

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В ИСТОРИИ РОССИИ

Глава 13

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

СУДЬБОНОСНЫЕ ДНИ

Около восьми утра в понедельник меня разбудила жена и сказала, что звонил Н. В. Некрасов, просил передать о переносе заседаний Думы и о восстании в Волынском полку. Он также сообщил, что мне следует немедленно прибыть в Думу. Хотя политическое положение в последние несколько дней становилось все более угрожающим и нестабильным, я не сразу осознал все значение сообщенных Некрасовым новостей. Сцена для последнего акта спектакля была давно готова, однако, как водится, никто не ожидал, что время действия уже наступило. И все же после непродолжительных размышлений я понял, что час истории наконец пробил. Наскоро одевшись, я отправился к зданию Думы, которое находилось в пяти минутах ходьбы от моего дома. Первой моей мыслью было: любой ценой продолжить сессию Думы и установить тесный контакт между Думой и вооруженными силами.

Добравшись до Думы, я сразу же направился в Екатерининский зал, где встретил Некрасова, Ефремова, Вершинина, Чхеидзе и нескольких других депутатов от оппозиции. Они согласились с моим предложением о проведении официального заседания Думы. Некрасов сказал мне, что Родзянко уже послал царю в его Ставку в Могилеве и командующим фронтами телеграммы, в которых сообщил о быстром нарастании беспорядков в Петрограде.

В телеграмме, которую накануне направил царю в его Ставку Председатель Государственной думы, говорилось: "Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах

идет беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя...”

27 февраля Родзянко направил царю телеграмму следующего содержания: “Занятия Государственной думы указом вашего величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства внутренних дел и Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною вашему величеству во вчерашней телеграмме. Повелите отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросятся в армию, восторжествует немец и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей России прошу ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и Родины, настал. Завтра может быть уже поздно. Председатель Государственной думы. Родзянко”.

Уходя утром из дома, я успел позвонить нескольким из моих друзей и попросил их отправиться в охваченные восстанием военные казармы и убедить войска идти к Думе. Только накануне революции депутаты Думы, наконец, поняли, что ее левое крыло — единственная группа, которой хорошо известны настроения масс и которая находится в курсе всех событий в городе. Мы действительно хорошо наладили по всей столице службу сбора информации, и телефонные сообщения о событиях поступали к нам каждые 10—15 минут. Стоило войти в зал, как меня окружили люди, засыпавшие бесчисленными вопросами. Я рассказал, что волнения охватили весь город, что восставшие войска движутся к Думе и что, на мой взгляд, началась революция. Наш долг, как представителей народа, заявил я, приветствовать восставших и вместе с ними решать общие задачи.

Поначалу весть о том, что к Думе движутся войска, вызвала у депутатов известную тревогу. Но возбуждение было столь велико, что вскоре от тревоги не осталось и следа.

Тем временем полки солдат без офицеров один за другим покидали казармы, заполняя улицы. Некоторых офицеров арестовали, были отдельные случаи их убийства. Остальные бежали, столкнувшись с явно враждебным отношением и недоверием солдат. Повсюду к войскам присоединялись гражданские. От окраин к центру города двигались огромные толпы рабочих, во многих районах шла яростная перестрелка. Вскоре поступили сообщения о столкновениях с полицией. С колоколен и крыш домов полицейские обстреливали из пулеметов движущиеся толпы*. Какое-то время казалось, что толпы текут по улицам без какой-либо видимой цели и трудно было предсказать, как развернутся события. Однако одно было очевидно: правительство намеревалось использовать растущие беспорядки в своих бесчестных целях. Все счита-

* Утверждалось, что этого не было. Для всех, кто интересуется этим вопросом, сошлюсь на “приказ № 2 по городу Петрограду”, подписанный членом Временного Военного комитета, офицером отряда кубанских казаков Карауловым, в котором говорилось, что всякий, кто предоставит место для пулеметчиков, подлежит военному суду. Я лично знаю два дома, на крыше которых были установлены пулеметы: на набережной Мойки и на Сергеевской улице. И тут и там жили лишь гражданские лица.

ли, что клика Протопопова постарается использовать голодные бунты, развал в армии, а также "нелояльность" Думы в качестве предлога, для того чтобы открыто сделать шаг к заключению сепаратного мирного договора с Германией.

Представители левой оппозиции Некрасов, Ефремов, Чхеидзе и я внесли предложение в Совет старейшин немедленно провести официальную сессию Думы, не принимая во внимание царский декрет. Большинство же, включая Родзянко и, несколько неожиданно — Милюкова, высказалось против такого шага. Аргументов не приводилось. Игнорируя произвол и преступления правительства, большинство Думы цеплялось за прошлое. Совет старейшин отверг наше предложение и решил, как планировалось ранее, провести "неофициальное заседание". Политически и психологически это означало, что будет проведено закрытое заседание группы частных лиц, среди которых немало людей выдающихся и пользующихся большим влиянием, тем не менее всего лишь группы частных лиц. Соответственно и само заседание не могло претендовать на официальное признание.

В тот момент, когда авторитет Думы достиг наивысшей точки в стране и в армии и когда этот авторитет мог бы сыграть далеко идущую положительную роль, отказ Думы созвать официальное заседание был равносителен политическому самоубийству. В этом сказалась слабость Думы, в основном отражавшей лишь узкие интересы высших слоев общества, что неизбежно ограничивало ее способность выражать чаяния нации в целом. Отказавшись взять в свои руки инициативу, Дума стала неофициальной организацией наравне с Советом рабочих депутатов, который к тому времени только-только начал набирать силу. Осознав на следующий день совершенную ошибку, Родзянко предпринял попытку возродить Думу в качестве официального института. Но было уже слишком поздно. К тому времени в столице уже возникли два центра власти, существованием которых они были обязаны революции. Этими центрами стали Дума, назначившая на неофициальном заседании Временный комитет в качестве своего временного руководящего органа, и Совет рабочих депутатов, возглавляемый его Исполнительным комитетом.

Не припомню всех вопросов, обсуждавшихся утром в тот понедельник в Совете старейшин, как и тех, которые рассматривались позднее на неофициальном заседании, длившемся с 12 до 2 часов, — в памяти сохранилось лишь решение создать Временный комитет с неограниченными полномочиями. В него вошли Родзянко, Шульгин, Львов, Чхеидзе, Некрасов, Милюков, Караулов, Дмитрюков, Ржевский, Шидловский, Энгельгардт, Шингарев и я. В комитете были представлены все партии, за исключением крайне правых. Эти правые депутаты, которые незадолго до того держались предельно вызывающе, неожиданно исчезли с политической арены.

В час дня солдат все еще не было, и потому когда наконец кто-то крикнул мне из вестибюля, что они появились, я бросился к окну, с трудом веря в такую возможность.

Из окна я увидел солдат: окруженные горожанами, они выстроились вдоль противоположной стороны улицы. Было очевидно, что они чувствовали себя стесненно в непривычной обстановке и выглядели растерянными, лишившись руководства офицеров.

Не медля ни минуты, не накинув даже пальто, я кинулся через главный вход на улицу, чтобы приветствовать тех, кого мы ждали так долго. Подбежав к центральным воротам, я от лица Думы выкрикнул несколько приветственных слов. И когда я стоял, окруженный толпой солдат Преображенского полка, в воротах позади меня появились Чхеидзе, Скобелев и некоторые другие члены Думы. Чхеидзе произнес

несколько приветственных слов, а я попросил солдат следовать за мной в здание Думы, чтобы разоружить охрану и защитить Думу, если она подвергнется нападению войск, сохранивших верность правительству. Тотчас построившись в шеренги, солдаты стройными рядами двинулись вслед за мной. Через главный вход дворца мы прошли прямо в помещение караульной службы. Я опасался, что для разоружения охраны придется прибегнуть к силе, однако, как выяснилось, она разбежалась еще до нашего появления. Я передал командование охраной какому-то унтер-офицеру, объяснив, где следует расставить часовых.

Вернувшись в Екатерининский зал, я обратился с речью к заполнившей здание Думы толпе. У этих людей, пришедших сюда из всех районов города, не было ни малейших сомнений в том, что революция совершилась. Они хотели знать, как мы собираемся поступить со сторонниками царского режима, и требовали для них сурового наказания. Я объяснил, что самых опасных из них возьмут под стражу, однако толпа ни при каких условиях не должна брать в свои руки осуществление закона. Я потребовал не допускать кровопролития. На вопрос, кто будет арестован первым, я ответил, что им должен стать бывший министр юстиции, председатель Государственного совета Щегловитов. Я распорядился, чтобы его доставили непосредственно ко мне. Выяснилось, что некоторые из солдат Преображенского и Волынского полков по своей инициативе отправились арестовывать Протопопова, но тому удалось бежать. Однако в 4 часа пополудни я получил сообщение, что Щегловитов арестован и доставлен в Думу. Депутаты были этим крайне обескуражены, а умеренные призвали Родзянко освободить Щегловитова, поскольку, как председатель законодательного органа, он пользовался личной неприкосновенностью.

Я отправился к Щегловитову и обнаружил, что, окруженный толпой, он взят под стражу наспех созданной охраной. Там же я увидел Родзянко и нескольких других депутатов. На моих глазах Родзянко, дружески поздоровавшись с ним, пригласил его как "гостя" в свой кабинет. Я быстро встал между ними и сказал Родзянко: "Нет, Щегловитов не гость, и я не допущу его освобождения".

Повернувшись к Щегловитову, я спросил:

— Вы Иван Григорьевич Щегловитов?

— Да.

— Прошу вас следовать за мной. Вы арестованы. Ваша безопасность гарантируется.

Все отпрянули, Родзянко и его друзья в растерянности вернулись в свои кабинеты, а я отвел арестованного в министерские апартаменты, известные под названием "Правительственный павильон".

Это был отдельный флигель, состоявший из нескольких комфортабельных комнат, соединенный полукруглой галереей с главным залом Думы. В этих комнатах располагались министры, когда приезжали выступать в Думе. Поскольку павильон как таковой не считался помещением собственно Думы, то он находился под юрисдикцией правительства. Его обслуживал свой штат слуг, и депутатам не разрешалось входить туда без особого разрешения. Используя эти комнаты как место временного заключения, мы избежали, таким образом, превращения в тюремные камеры помещений самой Думы, а государственные чиновники получили возможность содержаться под стражей в своих собственных апартаментах. К Щегловитову вскоре присоединились Протопопов, Сухомлинов, целая плеяда светил старого бюрократического мира.

К трем часам дня Дума приобрела совершенно неузнаваемый вид. В зал набились гражданские лица и солдаты. Со всех сторон к нам обращались за указаниями и советами. Только что созданный Времен-

ный комитет был вынужден взять на себя функции исполнительной власти. Мы чувствовали себя в положении генерального штаба ведущей военные действия армии: мы не видели поля боя, но из донесений, телефонных сообщений и рассказов очевидцев имели полное представление о том, что там происходит. И хотя мы не располагали детальными отчетами о каждом отдельном событии, перед нами была полная и достоверная картина происходящего. Характер поступавших сообщений мог кого угодно сбить с толку. Сотни людей требовали внимания, давали советы, предлагали свои услуги. Вокруг царило возбуждение, порой граничащее с истерией. Нельзя было терять голову, ибо потеря драгоценного времени и недостаток уверенности в себе были равнозначны катастрофе. Нам приходилось на месте незамедлительно решать, какой кому дать ответ, какой отдать приказ, кого поддержать, кому отказать в поддержке, куда направить войска и подкрепления, как найти помещение для сотен арестованных, как наилучшим образом использовать возможности компетентных людей и, наконец, последнее, но отнюдь не менее важное: как накормить и где разместить тысячи людей, заполнивших Думу. Кроме того, нужно было подумать о сформировании нового правительства и о выработке программы, приемлемой для всех партий. В то же время необходимо было быть в курсе событий, происходящих вне Петрограда, особенно в Ставке и в царском поезде.

Думаю, было приблизительно 4 часа дня, когда ко мне подошел кто-то и попросил найти в Таврическом дворце какое-нибудь помещение для только что созданного Совета рабочих депутатов. С разрешения Родзянко им была выделена комната за номером 13, где они и провели без промедления свое первое заседание. Естественно, подбор представителей от рабочих носил более или менее случайный характер, поскольку в столь короткий срок не было никакой возможности организовать настоящие выборы. Совет избрал Временный Исполнительный комитет, его председателем выбрали Чхеидзе, а Скобелева и меня заместителями председателя. О своем избрании я узнал позднее, поскольку на том заседании не присутствовал. На деле я редко бывал на заседаниях Совета или его Исполнительного комитета. С самого начала мои отношения с руководителями Совета стали носить напряженный характер. Их отвращало мое неприятие теоретического социализма, который они стремились навязать революции. Говоря об этом, я имею в виду тот Исполнительный комитет, который существовал первые несколько недель. Позднее и Исполком и Совет в целом изменились к лучшему.

Однако единственным общенациональным центром власти оставалась Дума. Ее Временный комитет действовал, не испытывая давления крайне левого крыла; комитет давал возможность развиваться революции своим путем, исходя из того, что время для нее созрело. И неслучайно первыми сообщениями о революции, дошедшими до фронта, были отчеты о деятельности Думы, и успех революции объяснялся главным образом тем, что солдаты на полях сражений вместе со своими командирами с самого начала приветствовали перемену. Люди, находившиеся на фронте, видели катастрофическое положение страны, и они более чем кто-либо еще приняли власть Думы.

К исходу дня 27 февраля весь Петроград перешел в руки восставших войск. Прежняя государственная машина прекратила работу, а здания некоторых министерств и правительственных учреждений были заняты силами революции. Некоторые здания, те, в частности, в которых размещались штаб-квартира охранки, полицейские участки, суды, были преданы огню. В Думе мы к тому времени учредили центральный орган для осуществления контроля над действиями войск и восставших. Временами стихия толпы принимала столь мощный размах, что, казалось, вот-вот захлестнет всех нас, но мало-помалу напор ее стихал, давая нам

несколько минут передышки. Казалось, Таврический дворец стонал и вздрагивал от могучих ударов людских волн. Снаружи он более напоминал военный лагерь, нежели законодательный орган. Повсюду виднелись ящики с боеприпасами, ручные гранаты, пирамиды винтовок, пулеметы. Во всех углах расположились солдаты, среди которых, к сожалению, почти не было офицеров.

Поскольку днем в бесконечном водовороте людей, новостей и событий решать фундаментальные государственные вопросы было невозможно, мы были вынуждены дожидаться ночи, когда рассеялись толпы людей и опустели залы и коридоры. Наступила тишина, и в комнатах Временного комитета начались бесконечные дискуссии, конференции, страстные споры. Там, в ночной тиши, мы приступили к созданию контуров новой России.

Перед нами прежде всего встали проблемы организации, на случай крайней необходимости, системы обороны и руководства петроградским гарнизоном. В тот первый день, однако, в нашем распоряжении практически не было офицеров или людей с соответствующими специальными знаниями. Первой нашей акцией в тот вечер было создание для этой цели Военной комиссии, в которую первоначально вошли несколько штатских, обладающих хоть какими-то познаниями в военном деле, горстка офицеров и рядовых, а также Родзянко и я. В задачу комиссии входило руководство операциями против протопоповской полиции, которая все еще оказывала вооруженное сопротивление революции.

В момент формирования комиссии к зданию Думы подошел 1-й резервный пехотный полк. Он был первым воинским подразделением, которое явилось в полном составе во главе с полковником и другими офицерами.

И все же, несмотря на нехватку офицеров, мы сумели на скорую руку укрепить оборону столицы, хотя горько было сознавать, что ей не выдержать массированного удара и что врагу ничего не стоит установить полный контроль над городом силами двух-трех боеспособных полков. Однако в Петрограде в распоряжении прежнего правительства не было ни одного солдата, решившего пойти против народа и Думы.

Мы в Думе понимали, что победа на нашей стороне, однако не имели ни малейшего представления, какими силами располагает прежнее правительство за пределами столицы. Мы не знали даже, где оно находится и что предпринимает. Наконец поступило сообщение, что правительство заседает в Мариинском дворце. Туда немедленно был отряжен отряд в сопровождении броневиков с приказом арестовать всех членов кабинета, однако в полночь солдаты возвратились обратно, не попав во дворец из-за сильного ружейного огня. Позднее мы узнали, что члены бывшего правительства перебрались в адмиралтейство, под защиту войск и артиллерии, прибывших из Гатчины. В другом сообщении говорилось о приближении к городу царских войск, направленных из Финляндии, и мы поспешно стали создавать оборону в Выборгском районе столицы вдоль русско-финской железнодорожной линии.

Одновременно Временный комитет направил депутата IV Думы А. Бубликова с отрядом солдат, чтобы взять на себя функции управления центральным железнодорожным телеграфом. Этот вовремя принятый шаг позволил Думе поставить под свой контроль всю сеть железных дорог, поскольку ни один состав не мог отправиться из столицы без согласия Бубликова. Именно Бубликов, выполняя распоряжение Временного комитета, передал по телеграфу во все уголки страны первое сообщение о революции. Железнодорожники с большим энтузиазмом приветствовали революцию. Они в то же время поддерживали

высочайшую дисциплину, и только благодаря их усилиям военные составы отправлялись на фронт точно по графику.

К этому времени мы зашли настолько далеко, что обратной дороги уже не было. Разрыв между старым и новым режимами стал окончательным. Временный комитет, по сути дела, вырвал власть у царского правительства.

Всю ночь провели мы за обсуждениями и спорами в кабинете Председателя Думы, подвергая тщательному рассмотрению все поступающие новости и слухи. Создание незадолго перед тем Совета было расценено как критическое событие, ибо возникла угроза, что в случае, если мы немедленно не сформируем Временное правительство, Совет провозгласит себя верховной властью России. Дольше всех колебался Родзянко. Однако, в конце концов, около полуночи он объявил о своем решении принять пост Председателя Временного комитета, который отныне, вплоть до создания Временного правительства, берет на себя верховную власть. В тот момент, когда в полночь с 27 на 28 февраля часы пробили 12 ударов, в России появился зародыш нового общенационального правительства.

Миновала первая ночь революции, и, казалось, вечность отделила нас от дня предыдущего. Наутро, 28 февраля, о своей солидарности с Думой объявили военные академии и большинство гвардейских полков. Поступили сообщения о том, что население и солдаты в соседних городах тоже присоединились к нам. Родзянко получил от главнокомандующего и высших офицеров телеграммы, в которых выражалась тревога относительно настроений в армии на фронте. В тот день, когда Николай II выехал из Ставки в Царское Село, жители Царского Села объявили о своей верности революции.

В Петрограде, несмотря на царивший там хаос, стали возникать новые организации. Сопrotивление нашей власти если и было, то крайне незначительное, и единственно, что нас тревожило, это возможные попытки сопротивления прежнего правительства в каких-нибудь других районах страны. Однако ситуация, сложившаяся в Царском Селе, позволяла надеяться, что и там оппозиция маловероятна. Вскоре мы узнали, что царь отдал приказ генералу Н. Я. Иванову, герою первой Галицийской кампании (1914 года), возглавить специальное армейское подразделение, захватить Петроград и восстановить там порядок. По прибытии на рассвете 1 марта в Царское Село все солдаты подразделения разбежались. Бежал и сам генерал, направившись обратно в Могилев.

Тем временем выражения поддержки от местного военного гарнизона стали носить такой восторженный характер, что, отвечая на них, мы мало-помалу выработали определенный ритуал. Какое-нибудь войсковое соединение, например Семеновский гвардейский полк, прибывал в Думу, в состоянии крайнего возбуждения заполнял Екатерининский зал и становился строем в центре. Выходил Родзянко и обращался к ним с речью, призывая оказывать доверие власти, сохранить дисциплину и т. д. Его речь неизменно тонула в шквале восторженных криков и аплодисментов. Затем с ответным словом выступал командир части, что вызывало еще большее ликование. Как правило, солдаты просили, чтобы перед ними выступил еще кто-нибудь — Милюков, Чхеидзе или я. Получив, наконец, возможность говорить свободно со свободными людьми, я испытывал чувство пьянящего восторга. Прибытие этих подразделений, включая сенсационное появление казачьего отряда из личной охраны царя, значительно укрепило положение новой власти в Таврическом дворце.

Однако одновременно это же поставило перед нами множество острых проблем. Например, такую. Солдаты испытывали все большее

беспокойство и становились все более неуправляемыми, и не в последнюю очередь из-за подозрений, что офицеры замышляют вместе с военным командованием контрреволюционный заговор. Когда по городу поползли слухи, будто в некоторых казармах офицеры отбирают у солдат оружие, председатель Военного комитета, консервативный депутат Думы, полковник Энгельгардт тотчас издал приказ, обнародованный утром 1 марта, в котором говорилось, что "слухи, по поводу которых проведены расследования в двух полках, полностью безосновательны. Командующий Петроградским гарнизоном сим объявляет, что в отношении офицеров, которые предпримут подобные акты, будут применены самые решительные меры, вплоть до смертной казни".

Кроме всего прочего, почти полное отсутствие офицеров облегчило задачу проникновения в воинские казармы Совету. Его руководители быстро уяснили, какие преимущества даст им установление контроля над 150-тысячным Петроградским гарнизоном, и, захватив его, они в полной мере использовали эти преимущества. 27 февраля Исполнительный комитет Совета создал свою собственную, так называемую Военную секцию. Эта секция быстро наладила тесные связи со всеми районами столицы, и все два месяца, пока Гучков занимал пост военного министра, а Корнилов — пост начальника петроградского военного гарнизона, она на равных конкурировала с официальными военными властями.

Тем же вечером делегация только что созданной Военной секции Совета посетила полковника Энгельгардта. Делегаты обратились к нему с просьбой издать приказ, обращенный к тысячам солдат, которые, оставшись без командиров, не имели ни малейшего представления о том, что им надлежит делать.

Энгельгардт отказался. Он заявил, что первый приказ по петроградскому военному округу должен исходить от нового военного министра Гучкова, который вступит в должность, скорее всего, через несколько дней. Отказ полковника крайне расстроил солдатских депутатов Совета. Уходя, они объявили Энгельгардту, что ввиду его отказа в помощи они будут вынуждены сами издать такой приказ. По возвращении в штаб-квартиру Совета они и подготовили свой знаменитый Приказ № 1.

Раздел приказа, касающийся офицеров, заподозренных в контрреволюционной деятельности, был написан в значительно более мягких выражениях, чем те, которые использовал Энгельгардт. В нем не содержалась угроза смертной казни. Вопреки утверждениям, в нем ничего не говорилось об избрании офицеров в солдатские комитеты и указывалось на необходимость соблюдения в войсках строжайшей дисциплины. Кроме того, для защиты экономических, культурных и политических прав солдат приказ предусматривал создание солдатских комитетов во всех подразделениях Петроградского гарнизона. Приказ запрещал также выдачу офицерам оружия и предписывал комитетам надежно хранить его.

Кто-то один, или какая-то группа, подлинность которых до сих пор остается загадкой, со злым умыслом разослала этот приказ, предназначенный только для Петроградского гарнизона, по всем фронтам. И хотя эта акция и наделала много бед, отнюдь не она, вопреки абсурдным утверждениям многочисленных представителей русских и иностранных военных кругов, явилась причиной "развала русской армии". Несправедливо и их заявление, будто приказ был разработан и опубликован если не непосредственно самим Временным правительством, то, по крайней мере, с его молчаливого согласия. Суть дела в том, что приказ был обнародован за два дня до создания Временного правительства. Более того, первым шагом этого правительства было разъяснение солдатам на фронте, что приказ этот относится не к ним, а лишь к Петроградскому гарнизону.

Несомненно, распространение этого приказа на фронте сыграло свою отрицательную роль и ускорило создание солдатских комитетов, однако оно никоим образом не было решающим фактором, так как и до публикации приказа комитеты уже были созданы на кораблях Черноморского флота и в отдельных частях Северного фронта. Более того, незадолго до падения монархии командующий четвертой армией на Румынском фронте генерал Цуриков сообщил в Ставку, что в связи с чрезвычайными обстоятельствами он распорядился о создании в армии комитетов под своим командованием и рекомендует как можно скорее прибегнуть к такой же мере и в других армиях.

Хотя германские агенты всячески стремились возбудить беспорядки среди матросов и солдат, натравливая их на офицеров, большинство людей, занимающих ответственные позиции, включая Исполнительный комитет Совета, выступило с осуждением неправомерных действий и расправ над офицерами и предпринимало необходимые меры для предотвращения воинского неповиновения. В обращении к Петроградскому гарнизону мы с Чхеидзе подчеркивали, что листовки против офицеров, выпущенные от имени комитетов социал-демократов и социалистов-революционеров, есть не что иное, как злонамеренные фальшивки, и сфабрикованы агентами-provокаторами. Вскоре после этого офицеры гарнизона торжественно поклялись в своей поддержке революции и Думы, и напряженность спала. Их заявление, под которым подписались и мы с Милюковым и Карауловым, получило широкое распространение, а первая речь, которую я произнес в качестве министра юстиции, заканчивалась призывом соблюдать подчинение офицерам и сохранять дисциплину.

С самого начала революции сонм полицейских шпииков, германских агентов и крайне левых стремились вызвать против нас ненависть. Для того чтобы осознать, насколько опасна и эффективна была такого рода пропаганда, необходимо иметь в виду, что в распоряжении тайной полиции прежнего режима — охранки — во всех слоях населения по-прежнему находилось несколько тысяч агентов, шпииков, агитаторов и осведомителей. В добавление к ним подрывную работу вело множество вражеских агентов, печатавших и распространявших листовки с призывами к убийствам и вносивших сумятицу и дезинформацию, которая, хоть и была очевидной фальшивкой, тем не менее производила впечатление на легковерную публику.

К утру 1 марта работа по созданию нового правительства и разработке его программы была в основном закончена, и тогда представители Временного комитета приступили к переговорам с Советом. Предполагалось, что в состав Временного правительства войдут в основном члены "Прогрессивного блока". В последний момент портфель министра труда был предложен Чхеидзе, портфель министра юстиции — мне.

Временный комитет предложил Исполнительному комитету Совета войти в состав Временного правительства и направить в него двух своих членов, однако Исполнительный комитет принял решение отказаться от участия во Временном правительстве, поскольку происшедшая революция носила "буржуазный характер".

Такое решение поставило передо мной дилемму: должен ли я остаться в Совете и отказаться от поста во Временном правительстве, или я должен принять этот пост и выйти из Совета? Оба варианта казались неприемлемыми. Не найдя выхода из положения, я под давлением событий, требующих от меня полного внимания, вынужден был отложить на время решение этой проблемы.

В тот день, 1 марта, положение в городе, казалось, стало еще более тревожным. Поползли смутные слухи о беспорядках на военно-морской базе в Кронштадте. В самом Петрограде хулиганствующие громилы совершили нападение на офицерскую гостиницу "Астория", ворвались в несколько номеров, приставали к женщинам. Приблизительно в то же время по городу прокатилась весть о прибытии в Царское Село воинских подразделений во главе с генералом Ивановым, и хотя причин для беспокойства не было, толпы людей, собравшихся в здании Думы, охватило, вследствие неопределенности положения, состояние нервозности и возбуждения.

Постепенно порядок был восстановлен. В 11 часов в штаб частей морских гвардейцев явился Великий князь Кирилл Владимирович и заявил о своей поддержке нового режима. В Петрограде продолжалось братание войск с народом, перестрелка на улицах затихла. Были сформированы отряды городской полиции — милиции и назначен ее новый начальник. Люди прилагали максимум усилий для восстановления дисциплины в войсках гарнизона, и Гучков, который на следующий день занял пост военного министра, активно включился в эту работу.

А тем временем революция перекинулась в провинцию. Хорошие новости поступили из Москвы, где, по словам одного очевидца, "все шло как по часам".

Сообщения о распространении революции стали поступать из сотен городов страны, движение приобрело общенациональный характер. Все это настоятельно вынуждало нас ускорить формирование нового правительства. К вечеру 1 марта Временный комитет лихорадочно работал над завершением правительственного манифеста, который предполагалось опубликовать на следующий день. В тот момент мы занимались в основном формированием министерств. Вопрос о верховной исполнительной власти в повестке дня не стоял, ибо большинство Временного комитета Думы все еще считало само собой разумеющимся, что вплоть до достижения совершеннолетия наследником престола Алексеем Великий князь Михаил Александрович будет исполнять функции регента.

Однако в ночь с 1 на 2 марта почти единодушно было принято решение, что будущее государственное устройство страны будет определено Учредительным собранием. Тем самым монархия была навечно упразднена и сдана в архив истории.

Первое официальное заявление, которое предстояло сделать Временному правительству, стало предметом жарких дискуссий. Некоторые пункты выявили абсолютное несогласие. Наиболее ожесточенные споры между представителями Временного комитета и Совета вспыхнули по вопросу о правах солдат, в результате чего в первоначальный проект Совета по этому вопросу были внесены существенные изменения. Каждый параграф вызывал глубокие расхождения, хотя ни в одном не было упоминания о войне.

Поразительно, что такая наболевшая, такая важнейшая проблема, как проблема войны, даже не возникла в ходе дискуссии по выработке статуса правительства. Правительство получило полную свободу действий в отношении войны, не взяв на себя при этом никаких формальных обязательств. Однако прошло совсем немного времени и ни один другой вопрос не вызывал столь ожесточенных нападков левых сил на Временное правительство, как этот.

Еще более поразительным может показаться то обстоятельство, что в этом самом первом документе правительства ни словом не было упомянуто о насущной необходимости аграрных реформ. И действительно, вопрос о них был сформулирован так неявно и туманно, что не вызвал у меня ни малейшего энтузиазма. Тем не менее, несмотря на то, что с самых первых шагов правительство выполняло все свои обязатель-

ства и даже приступило к осуществлению далеко идущей программы аграрной и рабочей реформы, левые по-прежнему продолжали обвинять нас в пренебрежении долгом перед крестьянами и рабочими, сея таким образом в массах семена недоверия.

И вот наконец состав кабинета министров согласован. Для многих членов Думы было важно, чтобы пост в правительстве был предоставлен мне и, как мне стало известно позднее, некоторые из тех, кому предложили войти в правительство, ставили условием своего согласия мое участие в кабинете.

Ночью 1 марта, когда события тех незабываемых дней достигли апогея, я почувствовал себя на грани нервного срыва. Сказалось чудовищное напряжение двух предыдущих дней. И все же мне было не уйти от решения стоящей передо мной трудной дилеммы. Даже Совет в большинстве своем считал разумным мое участие в правительстве, да я и сам понимал, что, если в него не войдет представитель Совета, оно не получит широкой поддержки народа. А потому я склонялся к тому, чтобы не отступать от своих убеждений даже тогда, когда Чхеидзе решительно отверг министерский пост, оставив меня в правительстве в полной изоляции.

В конце концов, на рассвете, не придя ни к какому решению, я решил отправиться домой. Было странно идти по знакомым улицам без привычного сопровождения агентов секретной полиции, проходить мимо часовых и видеть дым и языки пламени, все еще вырывающиеся из здания жандармерии, где меня допрашивали в 1905 году.

И лишь когда я пришел домой, до меня в полном объеме дошло значение недавних событий. Два или три часа я пролежал в полубессознательном состоянии. И вдруг, словно вспышка молнии, в мозгу пронеслось решение проблемы. Надо немедленно сообщить по телефону о согласии принять пост в правительстве, а уж потом отстаивать это решение на общем заседании Совета. И пусть Исполнительный комитет и члены Совета обсуждают этот шаг. Как это ни покажется странным, но на это мое решение пойти против воли Исполнительного комитета в значительной мере оказала воздействие мысль об арестованных, томившихся в Правительственном павильоне. И если кому-либо из министров от "Прогрессивного блока" удалось спасти их от ярости толпы и тем самым избавить революцию от кровопролития, то этим человеком был я.

Я позвонил во Временный комитет и сообщил Милюкову о своем решении. Он был, по крайней мере мне так показалось, очень доволен и принес мне свои поздравления, однако я отнюдь не был уверен, что реакция Совета будет такой же.

Вернувшись в Думу, я понял, что мое решение стало предметом жарких споров, поскольку никто с уверенностью не мог предсказать реакцию на него Совета. Я тотчас направился в комнату Исполнительного комитета, члены которого встретили меня с кислыми лицами. Шло очередное пленарное заседание, и я объявил о своем намерении войти в правительство и мотивировал этот шаг. Члены Исполнительного комитета попытались переубедить меня, но я остался непреклонным, не желая откладывать дела в долгий ящик.

В соседней комнате член Исполнительного комитета Стеклов докладывал Совету о своих переговорах с Временным комитетом по вопросу о формировании правительства. Едва он кончил, председательствовавший Чхеидзе сообщил, что я попросил слова. Я забрался на стол и начал свою речь. Я сразу понял, что слова мои доходят до сознания собравшихся. Стоило увидеть их лица, заглянуть в их глаза, и мне сразу стало ясно, что они на моей стороне. Я сказал им, что пришел в качестве министра юстиции нового правительства и что ждать долее одобрения этого шага со стороны

Совета считаю для себя невозможным. И вот я пришел, сказал я им, просить вотума доверия. Конец моей речи потонул в бурных аплодисментах.

Когда я прыгнул со стола, делегаты Совета подняли меня на плечи и пронесли через всю Думу до самых дверей той комнаты, где заседал Временный комитет. Я торжествовал победу. Обойдя абсурдное вето Исполнительного комитета, я был уверен, что за мной последуют и другие и что со временем это приведет к формированию коалиционного правительства. Однако бурные аплодисменты не помешали мне понять, что руководители Совета постараются взять реванш, и так оно и произошло: довольно скоро против меня, против моего влияния и авторитета в массах развернулась самая разнузданная кампания.

Утром 2 марта, выступая перед толпой в Екатерининском зале о составе Временного правительства, Милюков объявил о том, что Великий князь Михаил Александрович будет регентом и что решено установить в России конституционную монархию. Заявление Милюкова вызвало бурю негодования всех солдат и рабочих, собравшихся в Таврическом дворце.

В спешном порядке было созвано специальное заседание Исполнительного комитета Совета, на котором на меня обрушился град враждебных вопросов. Я решительно воспротивился попыткам втянуть меня в спор и лишь сказал: "Да, план действительно таков, но ему никогда не дано осуществиться. Это просто невозможно, а потому и нет причин для тревоги. Со мной по вопросу о регентстве никто не консультировался, я не принимал никакого участия в обсуждении этой проблемы. В качестве крайней меры я могу обратиться к правительству и предложить ему выбор: либо отказаться от этого плана, либо принять мою отставку".

Вопрос о регентстве ни в малейшей степени не волновал меня, однако внушить другим мою уверенность в неосуществимости этого плана было крайне трудно, а потому в это дело попытался вмешаться Исполнительный комитет. Он вознамерился послать к царю своих делегатов, а в случае неудачи — помешать воспользоваться поездом нашим делегатам. Однако тут они не преуспели, и приблизительно в 4 часа дня делегация Временного комитета Думы в составе Гучкова и Шульгина отбыла в Псков с целью потребовать отречения царя.

Ожидая вестей от Гучкова и Шульгина, мы были вынуждены заниматься решением многочисленных вопросов. В здании Думы располагалась специальная служба телеграфа, и в тот вечер я разослал свои первые, в качестве министра юстиции, приказы. В первой телеграмме прокурорам всей страны предписывалось освободить всех политических заключенных и передать им поздравления от имени нового революционного правительства. Вторая, посланная в Сибирь, передала приказ немедленно освободить из ссылки "бабушку русской революции" Екатерину Брешко-Брешковскую и со всеми почестями отправить ее в Петроград. В аналогичной телеграмме я потребовал освобождения пяти социал-демократических членов Думы, которые в 1915 г. были приговорены к ссылке.

Тем временем все более тревожным становилось положение в Гельсингфорсе: в любой момент мог подвергнуться уничтожению стоявший там флот и начаться расправа над офицерами. Меня срочно вызвали в Адмиралтейство для проведения переговоров с матросами по телефону. В ответ на мои просьбы человек на другом конце провода обещал сделать все возможное, чтобы успокоить матросов. Расправа над офицерами была предотвращена. В тот же вечер в Гельсингфорс отправилась делегация из представителей всех партий, чтобы попытаться восстановить дисциплину. На какое-то время мы были избавлены от хлопот с этой

военно-морской базой. Однако 4 марта каким-то штатским, оказавшимся, как выяснилось, немецким агентом, был убит адмирал Непенин.

События же в Кронштадте, о которых мельком упоминается в 14 главе, в действительности произошли 27 февраля, но сообщения о них поступили значительно позднее.

Вечером 2 марта было подписано, а днем позже опубликовано следующее заявление Временного правительства*:

”Декларация Временного правительства о его составе и задачах 3 марта 1917.

Граждане! Временный комитет членов Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успехов над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный комитет Государственной думы назначил министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью.

Председатель Совета министров и министр внутренних дел — князь Г. Е. Львов.

Министр иностранных дел — П. Н. Милюков.

Министр военный и морской — А. И. Гучков.

Министр путей сообщения — Н. В. Некрасов.

Министр торговли и промышленности — А. И. Коновалов.

Министр финансов — М. И. Терещенко.

Министр просвещения — А. А. Мануйлов.

Обер-прокурор Святейшего Синода — В. Н. Львов.

Министр земледелия — А. И. Шингарев.

Министр юстиции — А. Ф. Керенский.

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении**.

* Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 419—420. — *Прим. ред.*

** Этот пункт вызвал наибольшие разногласия. Милюков в своих мемуарах (Т. 2. С. 307) пишет, что не мог противиться принятию 7 пункта, поскольку, по сути дела, мы не знали в тот момент, будут или не будут они (восставшие войска) использованы в предстоящей борьбе против ”лояльных” частей, которые направят в столицу.

8) При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении воинской службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель Государственной думы М. Родзянко.

Председатель Совета министров кн. Львов.

Министры: Милюков, Некрасов, Мануйлов, Коновалов, Терещенко, В. Львов, Шингарев, Керенский”.

Когда наступила ночь 2 марта, члены Временного правительства собрались, чтобы обсудить другие, наиболее важные вопросы. Мы все по-прежнему с нетерпением ждали вестей от Гучкова и Шульгина. Мы понимали, что любая попытка передать власть регенту будет иметь тяжкие последствия, и из частных разговоров с коллегами я сделал вывод, что почти все они относятся к самому этому факту спокойно. Милюков из всех единственный, кто держался до конца, отстаивая эту идею. Гучков и Шульгин по причине отсутствия не могли изложить свою точку зрения. Однако все согласились с тем, что приближается критический момент.

ОТРЕЧЕНИЕ ЦАРЯ

Первые сообщения о происшедшей 27 февраля революции царь воспринял спокойно. Неизбежные беспорядки в связи с разрывом с Думой предусматривались в его плане восстановления абсолютизма, а командующий специальными вооруженными силами, дислоцированными в Петрограде, генерал Хабалов заверил царя, что ”войска выполнят свой долг”. Несколько гвардейских кавалерийских полков были отозваны с фронта, как и обещал царь перед своим отъездом 22 февраля в Ставку Протопопову, и уже двигались в направлении столицы.

Утром 27 февраля к царю с отчаянной просьбой обратился его брат, Великий князь Михаил Александрович, умоляя царя прекратить беспорядки, назначив такого премьер-министра, который будет пользоваться доверием Думы и общественности. Однако царь в весьма резкой форме посоветовал Великому князю не вмешиваться не в свои дела и приказал генералу Хабалову использовать все имеющиеся в его распоряжении средства для подавления бунта. В тот же день царь отдал приказ генералу Иванову отправиться в Царское Село. На следующий день царь и сам выехал в Царское Село.

На узловой станции Дно, через которую шел путь в Царское Село, комиссар по железнодорожному транспорту Бубликов распорядился остановить императорский поезд, а также второй состав с его свитой. Узнав, что путь через станцию Дно закрыт, царь после лихорадочных консультаций с приближенными приказал отправить составы в Псков, где находился штаб командующего Северным фронтом генерала Н. В. Ружского. Путь в этом направлении был еще свободен. 1 марта в 7.30 вечера царь прибыл в Псков, где его встретил генерал Ружский с офицерами своего штаба.

Согласно показаниям его советников, во время этой нелегкой поездки царь не проявлял никаких признаков нервозности или раздражения. В этом и не было ничего удивительного, ибо царь проявлял всегда какую-то странную способность равнодушно воспринимать внешние события. Однако я убежден, что за этим напускным неестественным спокойствием Николая II скрывалось глубокое душевное напряжение:

он, должно быть, к тому времени осознал, что все его планы провалились, и он полностью утратил власть.

Царь, прибывший в Псков, был совсем не тем человеком, который всего лишь за день до этого выехал из Могилева, намереваясь положить конец "мятежу". Все его сторонники словно испарились. Теперь он готов был пойти на любые уступки ради сохранения боевой мощи России накануне решающего весеннего наступления против армий Вильгельма II, которого так презирал и ненавидел.

В тот вечер царь заслушал в своем личном вагоне доклады генерала Рузского и начальника штаба фронта о происшедших за время его поездки событиях. Доклады никаким образом не изменили состояния его духа.

В 11.30 вечера генерал Рузский передал царю только что полученную телеграмму от генерала Алексева, в которой генерал сообщал "о растущей опасности распространения анархии по всей стране, дальнейшей деморализации армии и невозможности продолжать войну в сложившейся ситуации". В телеграмме также говорилось о необходимости опубликовать официальное заявление, желательно в форме Манифеста, которое внесло бы хоть какое-то успокоение в умы людей, и провозгласить создание "внушающего доверие" кабинета министров, поручив его формирование председателю Думы. Алексеев умолял царя незамедлительно опубликовать такой манифест и предлагал свой проект документа. Прочитав телеграмму и выслушав соображения Рузского, царь согласился обнародовать манифест на следующий день.

Немедленно по принятии этого решения царь направил генералу Иванову телеграмму (2 марта, 00.20), в которой потребовал не предпринимать никаких акций до его прибытия и доклада ему Иванова.

Затем царь распорядился о возвращении на фронт всех тех частей, которые были направлены в Петроград для подавления мятежа силой оружия. В два часа ночи, как рассказывал нам генерал Рузский, царь подписал манифест о создании правительства, ответственного перед законодательной властью. Этот манифест никогда не был опубликован.

Стихийное революционное движение из Петрограда перекинулось на фронт, и в 10 часов утра 2 марта генерал Алексеев, установив связь с командующими всех фронтов, а также Балтийского и Черноморского флотов, предложил им, ввиду катастрофического положения, умолять царя ради сохранения монархии отречься от престола в пользу наследника Алексея и назначить регентом Великого князя Михаила Александровича. Командующие во главе с Великим князем Николаем Николаевичем с удивительной готовностью согласились с этим предложением.

В 2 ч 30 мин Алексеев передал это решение царю, который почти тотчас же сообщил о своем отречении. Но царь отрекся от престола не только от своего имени, но и от имени своего сына, назначив своим преемником брата Михаила Александровича. Одновременно он назначил князя Львова Председателем Совета министров, а Великого князя Николая Николаевича — главнокомандующим вооруженными силами России. Однако за исключением ближайших советников царя никто в России ничего не знал об этом решении Николая II.

Первое сообщение о неожиданном шаге царя было получено вечером 3 марта от Гучкова и Шульгина во время заседания нового правительства и членов Временного комитета. После объявления этой новости наступила мгновенная тишина, а затем Родзянко заявил, что вступление на престол Великого князя Михаила невозможно. Никто из членов Временного комитета не возразил. Мнение собравшихся, казалось, было единодушным.

Вначале Родзянко, а затем и многие другие изложили свои соображения касательно того, почему Великий князь не может быть царем. Они

утверждали, в частности, что он никогда не проявлял интереса к государственным делам, что он состоит в морганатическом браке с женщиной, известной своими политическими интригами, что в критический момент истории, когда он мог бы спасти положение*, он проявил полное отсутствие воли и самостоятельности и так далее.

Слушая эти малосущественные аргументы, я понял, что не в аргументах как таковых дело. А в том, что выступавшие интуитивно почувствовали, что на этой стадии революции неприемлем *любой* новый царь.

Неожиданно попросил слово молчавший до того Милюков. С присущим ему упорством он принялся отстаивать свое мнение, согласно которому обсуждение должно свестись не к тому, кому суждено быть новым царем, а к тому, что царь на Руси необходим. Дума вовсе не стремилась к созданию республики, а лишь хотела видеть на троне новую фигуру. В тесном сотрудничестве с новым царем, продолжал Милюков, Думе следует утихомирить бушующую бурю. В этот решающий момент своей истории Россия не может обойтись без монарха. Он настаивал на принятии без дальнейших проволочек необходимых мер для признания нового царя.

Шингарев на правах старого друга своего партийного лидера попытался выступить в поддержку Милюкова, однако его доводы прозвучали слабо и неубедительно.

Однако время было на исходе, занималось утро, а решение так и не было найдено. Самым важным было не допустить до принятия окончательного решения опубликования акта отречения царя в пользу брата.

По общему согласию заседание было временно отложено. Родзянко отправился в Военное министерство, которое имело прямую связь со Ставкой, и связался с генералом Алексеевым, который сообщил ему, что акт отречения уже распространяется на фронте. Родзянко дал ему указание немедленно это прекратить. Указание было исполнено, однако еще до его получения на некоторых участках фронта солдатам уже сообщили об отречении, и они стали присягать новому суверену. Я возвращаюсь к этому эпизоду, потому что он привел к весьма неприятным осложнениям в ряде воинских частей, солдаты которых начали подозревать генералов в интриганстве.

Когда Родзянко вернулся в Думу после своего телефонного разговора с Алексеевым, мы решили связаться с Великим князем, который, возвратившись из Гатчины, остановился у княгини Путятиной в доме № 12 по Миллионной, и информировать его о событиях минувшей ночи. Было 6 утра, и никто не решился беспокоить его в столь ранний час. Но в такой ответственный момент вряд ли стоило думать о соблюдении этикета, и я решил сам позвонить домой княгине. Должно быть, там все уже были на ногах, поскольку на мой звонок немедленно ответил личный секретарь и близкий друг Великого князя, англичанин Джонсон. Я объяснил положение и спросил, не согласится ли Великий князь принять нас утром между 11 и 12 часами. Утвердительный ответ последовал через несколько минут.

Во время обсуждения вопроса о том, какую позицию нам следует занять на встрече с Великим князем, большинство высказалось за то,

* Утром 27 февраля в Мариинском дворце состоялась встреча Великого князя с Родзянко, Некрасовым, Дмитрюковым и князем Голицыным. Члены президиума Думы и Председатель Совета министров потребовали от Великого князя возглавить кавалерийские части Петроградского гарнизона и немедленно принять меры к восстановлению порядка. Однако Великий князь постарался уйти от принятия самостоятельного решения и заявил, что ему нужно переговорить по этому поводу с братом и просить его о назначении нового Председателя Совета министров.

чтобы разговор от нашего имени вели Родзянко и князь Львов, а остальные бы присутствовали в качестве наблюдателей.

Однако, как я и предполагал, с возражением против этого выступил Милюков, сказавший, что он имеет право, как государственный деятель и как частное лицо, в этот жизненно важный момент истории России высказать Великому князю свою собственную точку зрения. После краткой дискуссии по моей инициативе было решено предоставить Милюкову столько времени для изложения его взглядов Великому князю, сколько он сочтет необходимым.

В 11.00 4 марта началась наша встреча с Великим князем Михаилом Александровичем. Ее открыли Родзянко и Львов, кратко изложившие позицию большинства. Затем выступил Милюков, который в пространной речи использовал все свое красноречие, чтобы убедить Великого князя занять трон. К большому раздражению Михаила Александровича Милюков попросту тянул время в надежде, что разделявшие его взгляды Гучков и Шульгин, вернувшись из Пскова, поспеют на встречу и поддержат его. Затея Милюкова увенчалась успехом, ибо они и впрямь подошли к концу его выступления. Но когда немногословного Гучкова попросили высказать свою точку зрения, он сказал: "Я полностью разделяю взгляды Милюкова". Шульгин и вовсе не произнес ни слова*.

Наступило короткое молчание, и затем Великий князь сказал, что он предпочел бы побеседовать в частном порядке с двумя из присутствующих. Председатель Думы, в растерянности бросив взгляд в мою сторону, ответил, что это невозможно, поскольку мы решили участвовать во встрече как единое целое. Мне подумалось, что коль скоро брат царя готов принять столь важное решение, мы не можем отказать ему в его просьбе. Что я и сказал. Вот каким образом я "повлиял" на выбор Великого князя.

Снова воцарилась тишина. От того, кого выберет для разговора Великий князь, зависело, каким будет его решение. Он попросил пройти с ним в соседнюю комнату Львова и Родзянко.

Когда они вернулись, Великий князь Михаил Александрович объявил, что примет трон только по просьбе Учредительного собрания, которое обязалось созвать Временное правительство.

Вопрос был решен: монархия и династия стали атрибутом прошлого. С этого момента Россия, по сути дела, стала республикой, а вся верховная власть — исполнительная и законодательная — впредь до созыва Учредительного собрания переходила в руки Временного правительства.

* Причина их сдержанности вскоре выяснилась. Дело заключалось в следующем: на Варшавском вокзале по их возвращении из Пскова тысячи железнодорожников собрались на митинг, чтобы приветствовать Гучкова и Шульгина, однако как только Гучков, читая акт отречения, дошел до пункта о передаче власти Великому князю Михаилу Александровичу, толпа пришла в такую ярость, что обоих делегатов пришлось вывести через боковую дверь, чтобы избежать самых неприятных последствий.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!*

Не раз перечитывал я эти строки во дни своей молодости, но лишь после падения в России монархии до меня дошел их подлинный смысл.

Благословен человек, которому выпадает на долю пережить роковые поворотные годы в мировой истории, ибо он получает возможность заглянуть в глубь истории человечества, стать свидетелем того, как разрушается мир старый и возникает новый. Он видит, что в основе своей развитие жизни определяется не столько экономическими "законами", сколько столкновением воли разных людей, их противоборством в попытке создать новую жизнь на обломках старой.

С момента падения монархии в феврале 1917 года до наступившего в октябре того же года краха свободной России я был в центре событий. Я действительно оказался в их фокусе, в центре, вокруг которого бушевал водоворот человеческих страстей и противоречивых амбиций и шла титаническая борьба за создание нового государства, политические и социальные принципы которого коренным образом отличались от тех, что определяли жизнь прежней Российской империи. Для населения страны падение монархии произошло совершенно неожиданно, в критический момент войны России с Германией, и сопровождалось столь же неожиданным развалом всей административной государственной машины. Перед нами встала задача создать завершённую структуру нового государства.

С первых же дней существования Временного правительства в его адрес стали поступать из всех уголков России, из больших городов и далеких деревень, а также с фронта многочисленные приветственные послания с выражением поддержки. Однако наряду с ними со всех концов страны стали поступать тревожные сообщения о параличе местной власти, о полном развале административного аппарата и полиции. Казалось, Россия вот-вот погрязнет в мятежах, грабежах и неконтролируемом насилии. Если бы это и впрямь произошло, страна тотчас потеряла бы поражение от германской и австрийской армий.

Но этого не произошло и, главным образом, потому, что подавляющее большинство населения, независимо от классовой, религиозной или расовой принадлежности, осознало, что крушение монархии стало кульминационным пунктом их долгой и нелегкой борьбы за освобождение, которое определяло главное содержание современной истории.

Поэтому на какой-то момент все групповые, классовые и личные интересы были отброшены в сторону, а все разногласия забыты. Как писал в те дни князь Е. Н. Трубецкой, Февральская революция стала уникальным явлением в истории, поскольку в ней приняли участие все слои общества. То был исторический момент, породивший "мою Рос-

сию” — идеальную Россию, которая заняла место России, оскверненной и загаженной Распутиным и ненавистной всем монархией.

Непопулярные чиновные лица были буквально сметены со своих постов, а многие из них — убиты или ранены. Рабочие на заводах, прекратив работу, принялись устранять неугодных им управляющих и инженеров, вывозя их в тачках за пределы предприятий.

В некоторых районах крестьяне, памятуя 1905—1906 годы, стали на свой лад решать аграрный вопрос, изгоняя помещиков и захватывая их земли. В городах самочинные “защитники свободы” начали проводить аресты “контрреволюционеров” и тех, кто был замешан в грабежах.

После трех лет войны до предела уставшие на фронте солдаты отказывались подчиняться своим офицерам и продолжать войну с врагом.

Перед Временным правительством стояли четыре наиболее важные задачи. Вот они, в порядке очередности.

1) Продолжить защиту страны. 2) Воссоздать по всей стране действенный административный аппарат. 3) Провести необходимые коренные политические и социальные реформы. 4) Подготовить путь для преобразования России из крайне централизованного государства в федеральное.

Весной 1917 года положение в России, как внутреннее, так и международное, стало настолько критическим, что возможно скорейшее осуществление этой программы приобрело жизненно важное значение для сохранения самого существования страны. Но осуществить ее предстояло в стране, политически и социально абсолютно непохожей на ту Россию, в которой зародилось и появилось на свет новое правительство. Это правительство, как указал в своей речи Милюков в первый день революции, было призвано осуществить программу “Прогрессивного блока”. Но “Прогрессивного блока” как такового уже более не существовало. С падением монархии социальная структура страны неузнаваемо изменилась. В авангарде политической жизни неожиданно оказалось подавляющее большинство населения, ранее лишенное каких-либо прав принимать участие в управлении страной. В то же время среднее сословие, которое до этого играло положительную и активную роль в экономической и политической жизни, было отброшено на задворки, а помещичья аристократия, столь тесно связанная со старым режимом, и вовсе исчезла со сцены.

В этих условиях новой Россией могли руководить лишь такие люди, которые, безусловно, понимали, что призваны управлять не вчерашней Россией, а той новой Россией, которая стремится к осуществлению многовековых чаяний русского народа, то есть демократическое правительство, основывающее свою деятельность на законе и социальной справедливости. Именно эту главную цель революции видели перед собой все, за единственным исключением, члены нового правительства — те представители “высшего среднего класса”, которые, по твердым убеждениям левых социалистических доктринеров, были призваны управлять от имени “буржуазии”. По мнению этих левых, 27 февраля 1917 года знаменовало лишь начало “жирондистской” стадии революции. Несмотря на очевидную абсурдность этой идеи, она имела самые тяжкие, на деле фатальные, последствия для будущего.

Воспоминания о первых неделях существования Временного правительства связаны с самым счастливым временем моей политической карьеры. Нас было 11 в этом правительстве, из них 10 принадлежали к либеральной и умеренно-консервативной партиям. Я был единственным социалистом, и левая пресса вскоре стала иронически называть меня “заложником демократии”. Наш председатель, князь Львов, вел свое

происхождение от Рюриковичей и, следовательно, принадлежал к старейшему роду, который правил Россией 700 лет. И несмотря на это, всю свою жизнь он стремился улучшить участь крестьян и в течение длительного времени являлся активным участником борьбы против быстро разлагающегося монархического абсолютизма. В Союзе земств он настойчиво отстаивал право крестьян быть представленными в политической жизни страны. Он стал одним из основателей либерального течения в земствах, которое с начала века играло роль авангарда в борьбе за Конституцию, приведшей к манифесту 17 октября 1905 года. По натуре это был застенчивый сдержанный человек, который мало говорил, но был прекрасным слушателем. Он обладал выдающимся организаторским талантом и его огромный моральный авторитет проявил себя в создании им Всероссийского союза земств. Князь Львов никогда не придерживался партийных взглядов, и после кратковременного сотрудничества в I Думе с партией народной свободы он уже никогда не входил ни в какие партии, ни в политические или заговорщические организации. В этом глубоко религиозном человеке было что-то славянофильское и толстовское. Приказам он предпочитал убеждения и на заседаниях кабинета всегда стремился побудить нас к общему согласию. Его часто обвиняли в слабоволии. Такое обвинение было абсолютно безосновательным, в чем я и убедился, познакомившись с ним в декабре 1916 года. Он "слепо" верил, как утверждал Гучков, в неизбежный триумф демократии, в способность русского народа играть созидательную роль в делах государства. И не уставал и на людях, и в частных разговорах повторять слова: "Не теряйте присутствия духа, сохраняйте веру в свободу России!"

Я до сих пор с трудом понимаю, каким образом с самого первого заседания кабинета мы в своих дискуссиях достигали немедленного и полного согласия относительно того, что следует предпринять. Всех нас объединяло чувство долга, которое мы ставили превыше принадлежности к какой-либо партии. К сожалению, это чувство оказалось недолговечным, и в дальнейшем Временное правительство не отличалось более такой убежденностью, солидарностью и взаимным доверием. Однако факт остается фактом: первый месяц после революции всеми нами, правильно или неправильно, руководило лишь одно соображение: высшие интересы народа.

Некоторые мои личные друзья, которых я знал с первых дней существования Временного правительства, не раз говорили мне потом, что эти представления отражали лишь мои благие пожелания и что мы никогда не были столь едины, как мне это казалось. Как бы то ни было, но первые дни революционных преобразований в России запечатлелись в моем сознании как ощущение свершившегося чуда. И думается, что подобное ощущение испытали даже наиболее рационально мыслящие из нас люди.

В поразительно короткий период времени мы смогли заложить основы не только демократического управления, но полностью новой социальной системы, которая гарантировала ведущую роль в делах нации трудящимся массам и которая впервые ликвидировала все политические, социальные и этические ограничения.

Иначе и быть не могло, по той простой причине, что эта полностью новая система явилась прямым отражением воли бесспорного большинства населения.

В библиотеке Гуверовского института хранятся оригиналы стенограмм заседаний Временного правительства. Просматривая их много лет спустя, я сам был поражен тем огромным объемом законодательных актов, принятых в первые два месяца после Февральской революции. Как

нам удалось добиться столь многого в такой короткий срок? Ведь, в конце концов, помимо принятия законов правительство должно было заниматься продолжением войны и улаживать бесчисленные повседневные административные дела. Более того, в залы Мариинского дворца и приемные министров непрерывным потоком шли посетители и делегации, представители местных органов новой власти и национальных меньшинств. Это было невероятно трудное, горячее время, время бесконечных дневных и ночных заседаний кабинета, всевозможных конференций и выступлений на массовых митингах.

В первые недели после революции ни один министр нового правительства не мог позволить себе отказаться от участия в таких митингах по той простой причине, что потрясенные и обеспокоенные быстрым поворотом событий люди жаждали вновь обрести уверенность, выслушав правдивый отчет о происходящем непосредственно из уст членов нового правительства, которому, как они полагали, можно доверять. В этом вихре безумной активности мы тем не менее умудрились утвердить огромное количество новых законов и не в последней степени потому, что наш предшествующий опыт общественной деятельности дал нам возможность хорошо узнать чаяния и нужды всех слоев населения.

Все мы, за исключением князя Львова, Терещенко и Мануйлова, обрели такой опыт, когда в качестве депутатов Думы объехали всю Россию вдоль и поперек. Князь Львов тоже глубоко понимал проблемы местного управления, долгие годы находясь на службе в земстве. Бывший ректор Московского университета, член редколлегии ведущей либеральной газеты "Русские ведомости" Мануйлов был экспертом в области просвещения. Самый молодой член правительства Терещенко был ведущей фигурой в промышленном мире юга России, а во время войны вместе с А. И. Коноваловым занял пост заместителя председателя Военно-промышленного комитета, возглавляемого А. И. Гучковым. Кроме того, у него были хорошие связи в военных кругах и в петроградском обществе.

Наряду с большим опытом членов нового правительства важную роль в проведении столь обширной и бурной законодательной деятельности сыграло то обстоятельство, что практически все высшие чиновники прежних министерств и других правительственных учреждений остались на своих местах при новом правительстве и, за редким исключением, работали с огромным энтузиазмом*. Многие из них часто трудились ночи напролет, готовя проекты новых законов и предложения по реформам. Их глубокие познания и подготовленность находились на самом высоком уровне, и крайне прискорбно, что позднее, в мае, некоторые из вновь назначенных министров от социалистических партий начали заменять этих опытных гражданских служащих своими коллегами по партии, которые не имели ни малейшего представления о работе правительственных учреждений.

Несмотря на все трудности, порожденные войной и развалом старой администрации, Временное правительство провело в жизнь с одобрения всей страны широкую законодательную программу, заложив тем самым прочные основы для преобразования России в развитое государство. Даже Ленин, готовясь в октябре к захвату власти, не мог не воздать должного проделанной нами работе, написав: "Революция (Февральская. — Прим. А. К.) сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны"**.

Конечно же Ленин при этом обвинил Временное правительство во всех

* Большой чистке Временное правительство подвергло лишь министерство внутренних дел. Практически все высшие чиновники были смещены со своих постов и заменены новыми.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198.

смертных грехах капитализма и в той же статье, из которой взята вышеприведенная цитата, он ни словом не упомянул о глубоких *социальных* реформах — аграрной и в области рабочего законодательства, которые оно провело в жизнь. До нынешнего дня молодое поколение в России остается в неведении относительно того, что за короткий промежуток времени после Февральской революции Временное правительство предоставило народам России не только политическую свободу, но и социальную систему, гарантирующую человеческое достоинство и материальное благосостояние.

Для полного ознакомления с законодательной деятельностью Временного правительства читатель может обратиться к изданным мною документам по этому вопросу*, а здесь я лишь подытожу главные моменты. Первостепенную важность конечно же имели политические и гражданские права. Была установлена независимость судов и судей. Были ликвидированы все "специальные" суды, а все "политические" дела, или дела, связанные с государственной безопасностью, отныне стали подлежать рассмотрению в суде присяжных, как и все обычные уголовные дела. Были отменены все религиозные, этнические и сословные ограничения, провозглашена полная свобода совести. Восстановлена независимость православной церкви, и в марте был созван специальный церковный совет для подготовки Собора, который подтвердил бы автономию церкви. Собор открылся 15 августа. Всем другим церквям, сектам и религиям была предоставлена полная свобода обращать приверженцев в свою веру. Женщинам были предоставлены те же политические и гражданские права, что и мужчинам.

При участии представителей всех партий, всех общественных организаций и всех этнических групп был разработан закон о выборах в Учредительное собрание, в основу которого были положены всеобщее избирательное право и пропорциональное представительство. На мой взгляд, однако, включение в закон пропорционального представительства явилось ошибкой. На тех же избирательных принципах было также установлено городское и сельское самоуправление.

Закон о кооперативах предусматривал включение кооперативного движения в экономическую систему страны, как одного из ее компонентов. Между прочим, следует отметить, что этот закон о кооперативах, как и законы о профсоюзах и местных органах управления, готовились представителями всех этих организаций. И вообще, Временное правительство стремилось привлечь к работе по созданию нового порядка как можно больше людей, вызывая тем самым у населения чувство ответственности за судьбу всей страны.

В области экономической и социальной реформы главным вопросом был, конечно, вопрос о земле. Меры, предложенные Временным правительством, носили революционный характер, ибо предусматривали полную передачу земли тем, кто ее обрабатывает. Всего через три недели после падения монархии новое правительство опубликовало декрет об аграрной реформе. Он был подготовлен новым министром сельского хозяйства членом либеральной партии кадетов А. И. Шингаревым. Временное правительство стремилось предоставить разработку важнейших деталей реформы именно тем, кто в ней был более всего заинтересован. Для этого был создан Главный земельный комитет с отделениями по всей стране, члены которых выбирались на основе нового избирательного закона. И пока вырабатывались детали реформы, всеми текущими делами, связанными с землей, занимались эти местные комитеты.

20 мая Главный земельный комитет опубликовал директиву об общих принципах, лежащих в основе будущей реформы: "В соответствии

* The Russian Provisional Government, 1917.

с новыми потребностями нашей экономики, с пожеланиями большинства крестьян и программами всех демократических партий страны основным принципом предстоящей земельной реформы должна стать передача всей обрабатываемой земли тем, кто ее обрабатывает”.

Это недвусмысленное решение в пользу крестьян вызвало ярость крупных помещиков, и их стремление сорвать земельную революцию стало одним из тех мотивов, которые стояли за попыткой свергнуть в августе Временное правительство. Большевики со своей стороны, пытаясь помешать мирному ходу земельной реформы, всеми силами стремились вызвать в этот переходный период анархию и замешательство в крестьянских массах. Действуя по инструкциям Ленина, им удалось летом и осенью 1917 года побудить наиболее отсталые и невежественные элементы в деревне взять осуществление закона в свои руки, что вылилось в разграбление помещичьих усадеб, уничтожение и разворовывание зерна.

Естественно, Временное правительство, опираясь на поддержку всех демократических и социалистических партий, стремилось положить конец, прибегая в редких случаях к силе оружия, злонамеренному подрыву этой, величайшей в истории Европы, аграрной реформы. Некоторые весьма влиятельные деятели демократических и социалистических партий, как внутри России, так и за рубежом, позднее писали, что Временное правительство проводило в жизнь земельную реформу “слишком медленно”. Но они так и не смогли объяснить, как ее можно было осуществить быстрее на бескрайних просторах России, в разгар ужасной войны и в самую горячую пору сбора урожая, от которого в предстоящем году зависело продовольственное снабжение армии, да и всей страны.

Ожидалось, что к осени земельные комитеты завершат подготовительную работу и правительство внесет законопроект о земельной реформе на утверждение Учредительного собрания. А весной 1918 года земля законным путем будет передана крестьянам и они не станут, как это случилось позднее, рабами одного-единственного земледельца — государства.

Трудовое законодательство Временного правительства предоставило рабочим независимость и беспрецедентные права. Все эти права им предстояло утратить при большевистском режиме “рабочих и крестьян”. Несмотря на военное время, Гучков немедленно ввел на всех государственных оборонных предприятиях 8-часовой рабочий день. В результате его инициативы этот распорядок стал нормой и на промышленных предприятиях всего частного сектора. По предложению министра торговли и промышленности А. И. Коновалова владельцы частных предприятий пришли к соглашению с Петроградским Советом о введении 8-часового рабочего дня. Были созданы арбитражные суды, а рабочие комитеты* и профсоюзы получили практически полную автономию. Временное

* 5 сентября 1915 года в швейцарском городе Циммервальд открылась международная конференция европейских социалистов. Задачей конференции являлось объединение тех политических партий и групп, которые оказались в состоянии раскола после распада II Интернационала в начале войны 1914 года. В принятой резолюции конференция отразила свою половинчатую позицию. Точка зрения циммервальдцев может быть выражена одной фразой: мы не стоим ни за поражение, ни за оборону; мы занимаем нейтральную позицию в империалистической войне капиталистических государств. Их целью было — организовать рабочих на борьбу за быстрое окончание войны без победителей и побежденных. После Февральской революции большинство русских циммервальдцев признали необходимость защиты России, однако многие из них психологически не были готовы к сотрудничеству с “буржуазной демократией”. И. Г. Церетели и В. М. Чернов, занимая руководящее положение в партии, до самой революции неколебимо придерживались Циммервальдской программы.

правительство сделало все, что было в его силах, чтобы обеспечить равноправное положение организованной рабочей силы и промышленников.

В заключение хотел бы сказать несколько слов о деятельности Временного правительства при решении трудного вопроса о национальных меньшинствах. Временное правительство признало, что свободная демократическая Россия не может оставаться централизованным государством, и немедленно осуществило практические меры для отказа от политики угнетения, которую проводил старый режим в отношении нерусских народов империи. В первые же дни после падения монархии оно провозгласило независимость Польши и восстановило полную автономию Финляндии. Летом автономия была предоставлена также Украине. Несколько ранее, в марте, к участию в работе новой администрации на Кавказе, в Туркестане и в Балтийских губерниях были привлечены представители различных национальностей всей империи. В начале июля была создана комиссия для выработки необходимых законов в целях преобразования России на основах федерализма.

Из этих кратких заметок о внутренней политике Временного правительства можно видеть, что установление в России политической демократии одновременно привело к торжеству социальной демократии. По возвращении в Россию в 1917 году Ленин сказал, что "...Россия сейчас самая свободная страна в мире из воюющих стран...", где отсутствует насилие над массами*.

ВОПРОС О ВЛАСТИ

Если вся деятельность правительства, те реформы, которые я описал выше, в конечном счете не дали результатов, то это в огромной степени объясняется тем, что Временное правительство оказалось неспособным решить проблему создания стабильного демократического режима для осуществления и закрепления этих реформ.

В этой связи характерно третье заседание Временного правительства, состоявшееся днем 4 марта, о котором я сохранил самые живые воспоминания. В тот раз мы впервые собрались вне стен Таврического дворца, вдали от революционного водоворота, бурлящего вокруг здания Думы. Вместо этого мы встретились в министерстве внутренних дел, где находилась резиденция князя Львова.

Я помню ту торжественную тишину, которая царил в просторном конференц-зале, где мы сидели, ощущая на себе тяжелые взгляды дюжины прежних министров старого режима, чьи портреты висели на стенах. Полагаю, именно там, в окружении портретов прежних властителей, а не восторженной революционной толпы в Думе, каждый из нас вдруг впервые осознал всю меру своей причастности к тому, что произошло в России за последние несколько дней, и чудовищную тяжесть лежавшей на нас ответственности.

Князь Львов еще не приехал, однако никому из нас не хотелось, как это было всегда прежде, вести какие-либо разговоры. Наконец из внутренних комнат появился князь Львов с кипой телеграмм в руке. Не поздоровавшись по своему обычаю с каждым в отдельности, он направился прямо к своему креслу и, положив перед собой телеграммы, сказал: "Поглядите, что происходит, господа. Со вчерашнего дня подобные телеграммы в огромном количестве поступают со всех концов Европейской России. И это не те послания с выражением поддержки, которые все вы читали. Это — официальные сообщения из губернских

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.

центров и многих более мелких городов. В них говорится примерно одно и то же: после первого известия о падении монархии местная власть, начиная с губернатора и кончая последним полицейским, разбежалась, а те чиновники, особенно в полиции, которые или не захотели, или не успели убежать вовремя, арестованы всякого рода самозванными революционными властями и общественными комитетами”.

Воцарилась мертвая тишина, каждый напряженно думал о том, что предпринять. Здесь мы находились в центре борьбы, а огромные пространства страны попали в руки абсолютно неизвестных людей!

Не помню, кто нарушил тишину: ”Да ведь то же самое происходит здесь, в Петрограде, и тем не менее нам удалось восстановить хоть какую-то власть!”. Очнувшись от оцепенения, все возбужденно заговорили. Забыл подробности, однако отчетливо помню выводы, которые с необычной для него уверенностью сделал князь Львов: ”Нам следует полностью забыть о прежней администрации — любое обращение к ней психологически совершенно невозможно. Однако без управления Россия погибнет. Администрация ушла, но народ остался. И народу не однажды приходилось в прошлом переживать подобные трудности. Посмотрите, например, на Москву... К нам поступили сведения, что демократическим партиям с помощью членов городской думы и кооперативов вполне удалось стабилизировать обстановку... Нам, центральному правительству, бессмысленно отдавать приказы, если на местах нет властей, способных их выполнять. Господа, мы должны проявить терпение. Мы должны сохранить веру в здравый смысл, государственность и лояльность народов России”.

Слушая Львова, я впервые осознал, что его великая сила проистекала из веры в простого человека, она напоминала веру Кутузова в простого солдата. Нам действительно не оставалось ничего другого, кроме веры в народ, терпения и отнюдь не героического понимания того, что назад у нас дороги нет. Даже при самом большом желании мы не могли бы передать кому-либо власть — по той простой причине, что передать ее было некому!

К концу заседания мы пришли к согласию о том, что для создания новой машины управления нам следует прежде всего установить связь с надежными людьми в губерниях и уполномочить их занять места бывших губернаторов для преобразования механизма местного управления. Туда, где таких людей не найдется, немедленно направить достойных представителей из Петрограда. Двумя неделями позже, когда выяснилась полная несостоятельность отправки ”комиссаров” из Петрограда и передачи функций прежних губернаторов председателям местных земств, было принято решение назначать в качестве комиссаров Временного правительства тех людей из местных жителей, которых выбрали или рекомендовали местные общественные комитеты. По примеру Москвы в такие комитеты, как правило, входили представители всех наиболее важных учреждений и организаций.

За этот метод назначения местных представителей нового правительства князь Львов впоследствии подвергся нападкам критиков, обвинявших его в ”мягкотелости” и отсутствии административных навыков. Однако никто из его критиков, как в самом правительстве, так и вовне, не смогли предложить какой-либо другой путь создания механизма местной администрации в условиях, когда центральное правительство России вообще не располагало какими бы то ни было средствами для усиления своей власти. В тот период демагогам не составляло особого труда толкнуть рабочих и солдат, утративших чувство дисциплины, на путь любых крайностей, и в эти первые недели после революции силы разрушения нередко мешали развитию процесса упрочения новых государственных социальных структур.

Как можно было вести борьбу с этими разрушительными силами, не имея пулеметов, о которых так мечтал В. В. Шульгин, один из самых

разумных консервативных членов Думы, примкнувших к "Прогрессивному блоку"? Как можно было погасить волну слепой ненависти ко всему, что хоть отдаленно напоминало о прежнем царском режиме, ненависти, которую теперь огульно обратили против любой власти? Новое правительство было лишено какой-либо физической возможности навязать свою волю и единственным инструментом убеждения, находившимся в его распоряжении, было живое слово. Мильтон писал когда-то, что слово — великая сила, которую можно направить и на созидание, и на разрушение. В первые дни революции живое слово играло огромную роль — и на ниве добра, и на ниве зла.

Для нового правительства, стремившегося создать порядок из хаоса, особенно важно было понять потенциальные возможности такого оружия и использовать его в созидательных целях. Мало было писать и обнародовать сверхумные манифесты и статьи в газетах. Мало было создать новую административную машину. Надо было также, постоянно используя живое слово, противостоять силам разрушения, пробуждать в людях чувство личной ответственности перед нацией в целом.

В силу того что обстоятельства вознесли меня в революции на вершину власти и в силу того что мое имя в глазах народа стало своего рода символом новой жизни в условиях свободы, именно на мою долю выпало вести полемическую борьбу среди масс населения. Но у меня было немало союзников. Вместе со мной эту полемическую борьбу вели сотни тысяч людей из всех слоев населения, от скромных сельских учителей до московских профессоров.

В самые первые дни революции правительство направило меня на военно-морскую базу в Кронштадте. Разъяренная толпа матросов буквально на клочки разорвала командующего Кронштадтской крепости адмирала Вирена, убила нескольких офицеров и бросила сотни других в тюрьму, предварительно зверски избив их. Передо мной стояла задача добиться освобождения этих офицеров, безвинно пострадавших от рук матросов. Кроме живого слова в моем распоряжении не было никаких других средств убеждения.

Я прибыл туда с двумя адъютантами и, игнорируя все предупреждения, направился напрямиком к главной площади Кронштадта, где проходили все митинги восставших матросов. Меня встретила зловещая тишина, взорвавшаяся злобными криками, едва я начал говорить. Было ясно, что вожаки матросов задались целью сорвать мое выступление. Когда шум немного приутих, я заявил, что прибыл по поручению Временного правительства, чтобы разобраться в происшедшем. Тут же поднялся один из вожаков и стал рассказывать о "зверствах", которым подвергались матросы в Кронштадте.

Я знал, что адмирал Вирен был из числа сторонников жесткой дисциплины и, возможно, проявлял излишнюю требовательность к своим офицерам и матросам, однако я также знал, что он никогда не допускал физических расправ и конечно же не совершал никаких зверств. Эту свою точку зрения я и изложил в ответной речи, которая произвела определенный эффект. Прибегнув только к силе слов, я смог внести успокоение в разъяренную толпу, и хотя мне не удалось добиться освобождения всех арестованных офицеров, тем не менее десяти из двадцати разрешили выехать в Петроград*.

* Борьба за освобождение офицеров длилась вплоть до июля, когда последним из них разрешили выехать в Петроград. В этой связи хотел бы отметить, что Кронштадт, как, впрочем, и Гельсингфорс, Свеаборг, Рига и сам Петроград, были очагами германской и большевистской активности. Мы в правительстве обычно между собой называли треугольник, образованный этими городами, "гнилым углом" России.

Князь Львов, как правило, обращался ко мне с просьбой отправиться в тот или иной район беспорядков, с тем чтобы живым словом сбить волну анархических настроений и оказать моральную поддержку здоровым и созидательным силам. Опираясь на собственный опыт и на выводы тех, кто с той же миссией ездил по стране, я с полным правом могу утверждать, что огромное большинство населения городов и деревень в те первые месяцы Февральской революции было практически не подвержено влиянию демагогов и смутьянов. Большинство людей с огромным воодушевлением занималось работой по созданию новой жизни. В течение летних месяцев 1917 года прошло бесчисленное множество митингов и конференций с участием представителей всех слоев общества, которые стремились выработать свои собственные планы коренных преобразований во всех областях экономической, социальной и культурной жизни страны. Они буквально засыпали правительство самыми разнообразными резолюциями и предложениями. Народы России быстро приобщались к процессу созидания новой жизни. И все это происходило не в противодействии правительству, а в полном согласии с ним.

СОВЕТ

Теперь коснусь весьма щекотливого вопроса об отношениях между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. К нему и сводился наиболее важный аспект всей проблемы власти после революции.

Члены правительства пришли к полному согласию относительно насущной необходимости как можно скорее включить в состав правительства представителей социалистических партий, поскольку их высокий политический и моральный авторитет в армии и среди гражданского трудящегося населения в значительной мере упрочил бы стабильность нового правительства. Нам представлялось необходимым сгладить ложное впечатление, будто русская демократия расколота на два лагеря — "революционный" и "буржуазный".

Упрочению такого впечатления способствовали сами руководители Петроградского Совета, которые руководствовались при этом не столько истинными настроениями народа в целом, сколько своей партийной идеологией. Свое отношение к "буржуазному" Временному правительству они продемонстрировали в одной из первых резолюций Исполнительного комитета, в которой выражалась готовность поддержать новое правительство лишь "до тех пор, пока оно не посягает на права рабочих, завоеванные в результате революции". Столь сдержанное отношение Петроградского Совета породило парадоксальное и нетерпимое положение, при котором новое национальное правительство ставилось в подчинение или, по меньшей мере, в зависимость от доброй воли местных органов, которые, пользуясь влиянием среди определенных слоев населения, способны были поставить под вопрос само существование законно созданного правительства.

Следует иметь в виду одно весьма важное обстоятельство: утром 27 февраля двухсоттысячный Петроградский гарнизон, абсолютно сбитый с толку происшедшими событиями, оказался без офицеров. Совет еще не был провозглашен, и в городе царил хаос. Было бы только естественно, если бы восставшие солдаты обратились за руководством к Думе, единственному тогда учреждению, пользовавшемуся каким-то моральным авторитетом. Однако в тот момент в Думе не оказалось ни одного офицера, у которого хватило бы смелости и здравого смысла взять на

себя командование гарнизоном, как это сделал в Москве подполковник Грузинов*. Городская дума в Петрограде не имела никакого престижа, а различные общественные организации оказались неспособны создать в первый день революции какое-либо подобие административного центра, представляющего демократические партии и организации. Да и Временный комитет Думы тоже колебался — брать на себя эту задачу, хотя все ведущие политические и общественные деятели поспешили предложить Думе свои услуги по восстановлению порядка в городе.

После полудня у Думы стали собираться группки тех из представителей социалистических партий, которые случайно оказались в Петрограде в этот день революции. Их мысли, естественно, обратились к Совету, возникшему в Санкт-Петербурге осенью 1905 года и сыгравшему столь фатальную роль в событиях того года.

У меня в памяти живо стоит воспоминание о нашей встрече с М. В. Родзянко в одном из коридоров Таврического дворца приблизительно в 3 часа пополудни того же дня. Он сообщил, что член Думы от меньшевиков Скобелев обратился к нему с просьбой предоставить помещение для создания Совета рабочих депутатов, дабы содействовать поддержанию порядка на предприятиях. "Как вы считаете, — спросил Родзянко, — это не опасно?"

"Что ж в этом опасного? — ответил я. — Кто-то же должен, в конце концов, заняться рабочими".

"Наверное, вы правы, — заметил Родзянко. — Бог знает, что творится в городе, никто не работает, а мы, между прочим, находимся в состоянии войны".

Те, что проявили инициативу по созданию Совета, получили помещение, о котором просили, — большой зал Бюджетной комиссии и прилегающий к нему кабинет прежнего председателя комиссии. Не прошло и нескольких часов, как небольшая группка людей, имевших солидный опыт организационной и подпольной работы, создали Временный исполнительный комитет Совета. К нему примкнули Гвоздев и несколько его товарищей, только что вышедшие из тюрьмы. Незадолго перед тем из заключения освободился и ветеран Хрусталева-Носарь, прославившийся в качестве председателя Совета в 1905 году и с тех пор преданный полному забвению. Не найдя общего языка с членами нового Совета, он вскоре уехал в провинцию. К вечеру было опубликовано обращение к рабочим всех петроградских заводов и фабрик, призывающее их избрать своих делегатов и немедленно направить их в Думу на заседание Совета.

Здесь не место для подробного рассказа о том, как был создан Совет, однако хотел бы подчеркнуть, что его первый Исполнительный комитет был сформирован не на основе выборов, а просто на основе кооптации. К вечеру его состав, куда первоначально входили социалисты-революционеры и меньшевики, расширился за счет представителей народных социалистов и трудовиков. Большевики в создании Совета никакого участия не приняли и даже отнеслись к нему враждебно, поскольку существование его, видимо, не входило в их планы. Впрочем, ближе к ночи они тоже передумали и в Исполнительный комитет вошли Молотов, Шляпников и еще один или два их представителя.

С появлением большевиков сама сущность Совета как-то неожиданно изменилась. По предложению Молотова было решено, несмотря на протесты меньшевиков и некоторых социалистов-революционеров, обратиться ко всем частям Петроградского гарнизона с предложением направить в Совет своих депутатов. В результате возникла организация

* Председатель Московского земства.

рабочих, в которой из трех тысяч членов две трети составляли солдаты и лишь одну тысячу — рабочие.

Размышляя о прошлом, не могу не вспомнить тогдашнего своего ощущения, что результатом внезапного изменения позиции большевиков в отношении Совета явился их успех в создании несоответствия в пользу военных: солдаты в Совете открыли большевикам прямой доступ в казармы и на фронт. И конечно же это также дало большевикам и другим лидерам Совета, таким, как Стеклов, который им симпатизировал, мощное оружие для ведения политической борьбы, особенно в столице, где гарнизон был особенно велик. Весьма знаменательно, что Стеклов настаивал на включении в конституцию Временного правительства пункта, запрещающего вывод из Петрограда тех воинских частей, которые, как считалось, приняли участие в борьбе против монархии.

Еще одним важным преимуществом Совета было психологическое воздействие размещения его в Таврическом дворце. В глазах политически неискушенных обывателей из-за непосредственной близости Совета к новому правительству этот институт представлялся им в какой-то мере равнозначным правительству и посему обладавшим властью в пределах всей страны. Более того, весьма условный и сдержанный характер той поддержки, которую оказывал Совет новой власти, неизбежно превращал в глазах рабочих и солдат наше истинно демократическое правительство в подозрительный по своим действиям "буржуазный" орган.

В этом меня окончательно убедила моя официальная поездка в Москву, которую я совершил 7 марта от имени Временного правительства. Когда я встретился с членами Московского Совета рабочих, его председатель заявил мне: "Мы приветствуем вас как заместителя председателя Петроградского Совета рабочих депутатов. Рабочие не желают, чтобы их представители входили в состав нового кабинета. Однако мы знаем, что пока вы являетесь его членом, мы избавлены от предательства. Мы вам доверяем"*. Такое выражение доверия только к одному члену правительства, а не к кабинету в целом было абсолютно недопустимо и в открытой форме отражало опасность, заключенную в той ограниченной поддержке, которую оказывал Совет новой власти. Из "благожелательной оппозиции" Совет превратился в источник безответственной критики нового правительства, которое он обвинял во всякого рода "буржуазных" грехах.

Не хочу быть односторонним или отрицать положительные аспекты работы, проделанной Советом. Помимо того что Совет добился восстановления дисциплины не только на заводах, но и в военных казармах, он внес огромный вклад в организацию регулярного снабжения Петрограда продовольствием, а также сыграл в высшей степени плодотворную роль в подготовке преобразовательных реформ во всех сферах. Его представители также предприняли попытки, не всегда, правда, успешные, восстановить нормальные отношения между солдатами и офицерами. Как Петроградский, так и Московский Советы направили на фронт многих мужественных и достойных людей, которые действовали в качестве комиссаров в различных фронтовых комитетах.

Повседневная критика, которую газета Совета "Известия" обращала в адрес правительства, была и полезна, и необходима, и правительство не боялось и не отвергало ее. Подобная критика, исходившая тогда со всех сторон, — как от Исполнительного комитета Думы, так и от правой прессы, — являлась неизбежным спутником демократии. Вред приносило лишь намеренное распространение лжи в целях подстрекательства масс.

* Цит. по: Русское слово. 1917. 8(21) марта.

Распространялись инсинуации, будто правительство намеревается возродить различные аспекты ненавистного прошлого. К счастью, при неограниченной свободе печати, общественное мнение — особенно наиболее ответственные органы демократической и социалистической прессы, — как правило, легко справлялось с такого рода экстремистской демагогией.

Главная трудность отношений с Советом заключалась в том, что руководители тех социалистических партий, которые возглавляли его, не ограничивались разумной критикой действий правительства, а стремились вмешиваться в дела политические. Отрицая это на словах, они на деле часто забывали о границе между критикой и вмешательством. Нередко они вели себя так, словно были облечены государственной властью, пытаясь даже вести свою собственную внешнюю политику, обвиняя правительство в "империалистических" замыслах.

Наилучшим образом характеризуют этот произвол Исполнительного комитета некоторые подробности его вмешательства в наши отношения с бывшим царем и его семьей.

Подписав акт отречения, Николай II 3 марта вскоре после полуночи выехал из Пскова в распоряжение Ставки в Могилеве, чтобы попрощаться со своими подчиненными, которые проработали под его руководством почти два года. Хотя переезд совершался в личном поезде и в сопровождении его обычной свиты, сам этот факт не вызвал никакого беспокойства ни в правительстве, ни в Думе, поскольку бывший царь был теперь в полной изоляции и не мог предпринять каких-либо самостоятельных шагов.

Вечером 3 марта в Таврическом дворце проходило второе заседание правительства. В какой-то момент, не помню точно время, меня вызвал с заседания член Исполнительного комитета Совета Зензинов. Не скрывая чувства тревоги, он спешил предупредить меня, что среди членов Совета царит глубокое возмущение нежеланием правительства воспрепятствовать поездке в Ставку бывшего царя. Он сообщил, что подстрекаемый одним из членов-большевиков (я полагаю, Молотовым), Совет принял резолюцию, требующую ареста бывшего царя и его семьи и предлагающую правительству осуществить такой арест совместно с Советом. Резолюция предлагала также князю Львову определить позицию правительства на тот случай, если оно откажется действовать и Совет сам осуществит арест. Зензинов также предупредил, что в любой момент для переговоров с правительством могут прибыть Чхеидзе и Скобелев, которые с этой целью были делегированы Советом.

Я немедленно возвратился в зал, где проходило заседание правительства, и сообщил о разговоре с Зензиновым. Кто-то, помнится, это был Гучков, сказал, что в свете бушующей ненависти к старому режиму нет ничего удивительного в беспокойстве солдат и рабочих по поводу поездки бывшего царя, тем не менее нам следует решительно пресечь любые попытки Петроградского Совета присвоить себе правительственные функции. Поскольку все согласилось с такой точкой зрения, мы просили князя Львова объяснить делегатам от Совета, что, по твердому убеждению правительства, бывший царь не имеет никаких замыслов против нового режима, а решение относительно его будущего будет принято в ближайшие несколько дней. Ему также поручили передать им, что до тех пор нет никаких оснований для принятия каких-либо мер против других членов царской фамилии, поскольку все они искренне осуждали все, что происходило при дворе последние несколько лет. Как сообщил нам позднее князь Львов, его беседа с Чхеидзе и Скобелевым прошла в дружественных тонах.

Вопрос о судьбе свергнутого монарха был в высшей степени болезненным. В течение двух месяцев после падения империи так называемая

“желтая” пресса развернула злобную кампанию по дискредитации бывшего царя и его супруги, стремясь возбудить среди рабочих, солдат и обывателей чувства ненависти и мщениия. Фантастические и порой совершенно недостойные описания дворцовой жизни стали появляться в различных газетах, даже в тех, которые до последнего дня старого режима являлись “полуофициальным” голосом правительства и извлекали немалую выгоду из своей преданности короне. Либеральная и демократическая пресса в своих критических комментариях по поводу свергнутого монарха избегала духа сенсационности, но и в ней иногда появлялись статьи вполне трезвомыслящих писателей крайне сомнительного свойства. Мы, конечно, отдавали себе отчет в том, что правление Николая II в изобилии предоставило пищу для этой кампании ненависти. Трагедия в Кронштадте*, эксцессы на Балтийском флоте и на фронте были и раньше серьезным сигналом. По сравнению с другими членами правительства я был значительно лучше осведомлен о господствующих в экстремистских левых кругах настроениях и пришел к твердому убеждению предпринять все от меня зависящее, чтобы не допустить сползания к якобинскому террору.

4 марта, на следующий день после предпринятой Советом попытки вмешаться в решение судьбы бывшего царя, умеренная позиция правительства в этом вопросе получила неожиданное и беспрецедентное с точки зрения истории подкрепление.

В то утро генерал М. В. Алексеев связался из Ставки по прямой линии с князем Львовым и сообщил, что накануне вечером Николай II передал ему листок бумаги с текстом своего послания князю Львову. Оно начиналось без всякого обращения и, по словам Алексеева, суть его сводилась к следующему: отрекшийся от престола царь поручил мне передать вам следующие его просьбы. Во-первых, разрешить ему и его свите беспрепятственный проезд в Царское Село для воссоединения с больными членами его семьи. Во-вторых, гарантировать безопасность временного пребывания ему, его семье и свите вплоть до выздоровления детей. В-третьих, предоставить и гарантировать беспрепятственный проезд в Романов (Мурманск)** для него самого, его семьи и свиты. Передавая вашему превосходительству изложенные мне просьбы, я настоятельно прошу правительство в возможно кратчайшие сроки принять решения по вышеизложенным вопросам, которые представляют особо важное значение как для Ставки, так и для самого отрекшегося царя. В послании Николая II содержалась и четвертая просьба: возвратиться после окончания войны в Россию для постоянного проживания в Крымской Ливадии***. Генерал Алексеев не зачитал по телефону четвертой просьбы, видимо, считая ее в высшей степени наивной.

Однако этот документ открывал дорогу к разрешению нашей проблемы. Сам царь предложил решение, достойное правительства свободной России.

5 марта генерал Алексеев направил Львову и Родзянко телеграмму с просьбой ускорить отъезд из Ставки бывшего царя и направить представителей для сопровождения его в Царское Село, отметив, что, чем скорее это произойдет, тем лучше будет и для Ставки, и для самого бывшего царя.

Отныне стало очевидным, что прежний царь сможет оставаться в России, лишь находясь под стражей. Вечером 7 марта в Могилев была

* Имеется в виду суд над матросами-большевиками, который вызвал стачку 120 тыс. рабочих столицы в конце октября 1916 года. — *Прим. ред.*

** То есть в порт, для отбытия в Англию.

*** The Russian Provisional Government. Vol. 1. P. 177. Точный текст телеграммы Алексеева см.: Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 53—54. — *Прим. ред.*

отправлена делегация из четырех членов, представлявших различные партии в Думе*, с инструкцией взять царя под стражу и препроводить его в Царское Село. 8 марта правительство опубликовало декрет, в котором приказывало взять бывшего царя под стражу, определив местом его пребывания Александровский дворец в Царском Селе. Все приготовления по содержанию бывшего царя под арестом возлагались на генерала Л. Г. Корнилова, который был отозван с фронта и назначен командующим Петроградского военного округа.

Когда 7 марта я выступал в Московском Совете, рабочие обрушили на меня град весьма агрессивных вопросов, в том числе и таких: "Почему Николая Николаевича назначили главнокомандующим и почему Николаю II разрешено свободно ездить по всей России?" Такие вопросы, несомненно, были продиктованы чувством враждебности к правительству, и меня обеспокоил тот размах, который подобные настроения, характерные для Петроградского Совета, получили в Москве. Я понимал, что мой ответ рабочим должен быть четким, недвусмысленным и решительным: "Великий князь Николай Николаевич был назначен Николаем II еще до его отречения, однако он не останется на посту Верховного главнокомандующего. Сейчас Николай II в моих руках, руках генерального прокурора. И я скажу вам, товарищи, что до сих пор русская революция протекала бескровно, и я не хочу, не позволю омрачить ее. Маратом русской революции я никогда не буду. В самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию".

Это мое заявление (как и подобное сообщение князя Львова, переданное им Чхеидзе) о решении правительства просить правительство Великобритании предоставить убежище Николаю II** вызвало бурю возмущения против правительства в Исполнительном комитете Петроградского Совета.

Если бы лидеры Совета были заинтересованы в разумном и ненасильственном решении судьбы бывшего царя, они бы, конечно, поддержали выводы правительства, однако у большинства его членов были совсем другие замыслы. Они хотели бросить его в Петропавловскую крепость и затем повторить драму Французской революции, публично совершив казнь тирана. Это становится очевидным при ознакомлении с гневным заявлением Исполкома от 9 марта, в котором "предписывается" принятие мер, по самой своей природе входящих только в компетенцию правительства: занятие войсками всех ключевых станций на пути следования бывшего царя; передача по телеграфу во все города ордера на арест бывшего царя, заключение его после ареста в Трубецкой бастион Петропавловской крепости и т. д.

В 11.30 утра 9 марта бывший царь, сопровождаемый четырьмя делегатами Думы, прибыл на станцию в Царское Село. Он был встречен комендантами дворца и города и отправлен на их попечение в Александровский дворец, где его встретила жена и больные корью дети.

Позже, вечером того же дня, в Царское Село также прибыл представитель Исполнительного комитета Совета в сопровождении воинских подразделений на броневтомобилях. Этот представитель, чье имя было С. Масловский***, имел предписание арестовать Николая II и отвезти

* А. Бубликов, С. Грибунин, И. Калинин, В. Вершинин. — *Прим. ред.*

** Милюков встречался по этому вопросу 6 или 7 марта с английским послом Бьюкененом, а 10 марта Бьюкенен получил из Лондона телеграмму с положительным ответом.

*** Эсер С. Д. Масловский — впоследствии советский писатель С. Д. Мстиславский. — *Прим. ред.*

его в Петроград — то ли в Совет, то ли прямо в Петропавловскую крепость, это так никогда и не стало известно. К счастью, этот опасный шаг, имевший целью узурпировать власть правительства, завершился полным провалом. Военские части во главе с офицерами, расположенные в Царском Селе, категорически отказались передать бывшего царя С. Масловскому, пока тот не предъявит ордер на арест за подписью генерала Корнилова, который нес перед правительством ответственность за безопасность бывшего царя и его семьи. Пытаясь выпутаться из глупого положения, С. Масловский заявил, что приехал лишь для проверки надежности охраны, однако в своем отчете Исполнительному комитету Совета от 10 марта он, в противоречии со своим утверждением, заявил, что бывшего царя "ему не передали".

Эта открытая попытка Петроградского Совета противопоставить себя правительству явилась единственным эпизодом, который дал повод возникновению легенды о "двоевластии", легенды, придуманной врагами правительства, как справа, так и слева, будто оно делило власть с Советом. С моей же точки зрения, этот случай лишь еще раз доказывает, что подобные попытки вмешательства не представляли угрозы моральному авторитету нового правительства. Экспедиция С. Масловского в Царское Село потерпела фиаско потому, что не получила народной поддержки, и потому, что угроза Совета порвать отношения с правительством не возымела никакого действия. Теперь мы почувствовали, что страна на нашей стороне, и мы сможем преодолеть растущую тенденцию к распаду дисциплины, к анархии. Мы почувствовали, что все здоровые и созидательные силы в стране инстинктивно тянутся к единственному центру государственной власти. И конечно же очень важным обстоятельством было то, что даже жители Петрограда в те жаркие лихорадочные дни между 8 и 10 марта не проявили ни малейшей симпатии к бессмысленному кривлянию самозванных руководителей едва оформившегося Совета.

Мое ощущение, что наше правительство действует в полном согласии с народом, подтвердилось в тот день, 7 марта, который я провел в Москве. Обращаясь к представителям различных общественных организаций с изложением платформы нашего правительства, я мог видеть своими глазами, что эта платформа соответствует стихийному стремлению людей самим выработать новую политическую и социальную систему взглядов и осуществить великие чаяния России о свободе, за которые отдано столько лет борьбы. Когда, например, выступая в комитете общественных организаций я говорил о том, что в ближайшее время правительство опубликует декрет об отмене смертной казни за политические преступления и все такого рода дела будут впредь подлежать рассмотрению в суде присяжных, мои слова были встречены с огромным и всеобщим воодушевлением*.

Едва я возвратился в Петроград из этой памятной поездки в Москву, не успев даже доложить правительству об ее итогах, как в мой кабинет зашел адъютант и сказал, что со мной хочет увидеться Стеклов. В то время он был одним из наиболее влиятельных членов Исполкома Совета, занимая при этом пост главного редактора "Известий". Это был наглый и довольно грубый человек. Без всякой подготовки он объявил, что Исполком в высшей степени недоволен моим заявлением в Москве о ближайшей отмене смертной казни и настоятельно рекомендовал нам во избежание серьезных разногласий с Советом еще раз обдумать свое

* В Москве я посетил Польский демократический клуб и объявил там, что в ближайшие дни правительство опубликует декларацию о восстановлении независимости Польши.

решение. Если мне не изменяет память, встреча со Стекловым состоялась 8 марта, во всяком случае до поездки Масловского в Царское Село. Слова Стеклова произвели на меня крайне тягостное впечатление, поскольку все образованные русские люди, включая меньшевиков и эсеров, всегда выступали против смертной казни. И, например, во времена так называемого столыпинского террора все они присоединили свой голос к движению протеста против смертной казни. Однако у меня не было никакого желания входить в обсуждение этого вопроса с моим посетителем. Я поблагодарил его за предупреждение и сказал, что сообщу о нем правительству. На этом и закончилась наша беседа. На следующий день я рассказал о визите Стеклова Скобелеву и Зензинову и просил их убедить членов Исполкома Совета отказаться от протестов против отмены смертной казни, решения, с одобрением встреченного по всей стране. Каково же было мое удивление, когда они сказали, что не имеют ни малейшего представления о заявлении Стеклова. "Тогда еще более важно выяснить, что же происходит! — воскликнул я. — И постарайтесь сделать это как можно быстрее. Со своей стороны я задержу опубликование декрета, чтобы не поставить Совет в неловкое положение". Судя по всему, кое-кто из членов Исполкома склонялся к идее якобинского террора и предпочитал действовать в вопросе о смертной казни за спиной своих коллег. Вскоре мне сообщили, что Совет не выступит с протестом против опубликования Декрета.

В стенографических отчетах о заседаниях Исполкома нет вовсе упоминаний о вопросе, касающемся отмены смертной казни. Очевидно, что после провала попытки арестовать царя и заключить его в Петропавловскую крепость проблема смертной казни перестала волновать Стеклова и его компанию.

Как я уже отмечал, этот эпизод с царем был единственной серьезной попыткой Совета выступить в роли правительства. После провала миссии Масловского руководители Совета осознали беспочвенность своих прямых посягательств на власть "буржуазного" правительства и сочли за лучшее в данных условиях попытаться влиять на ход событий путем наиболее тщательного "контроля" за деятельностью нового правительства. Такой курс нашел свое выражение в создании так называемой контактной комиссии, в задачи которой входил обмен информацией и установление связей между Советом и правительством. Не припомню, кому в Исполкоме Совета пришла в голову такая идея, однако, без сомнения, она возникла вследствие озабоченности членов Исполкома по поводу недостатка информации о том, что происходило в стране.

Что касается меня, то я от всего сердца поддержал этот план, поскольку, на мой взгляд, он представлял желанный первый шаг на пути осуществления моей надежды на включение в состав правительства представителей социалистических партий. В стенографическом отчете о заседании кабинета 10 марта зафиксировано мое предложение, чтобы князь Львов, Терещенко (министр финансов) и Некрасов (министр путей сообщения) представляли правительство в предлагаемой контактной комиссии. Такое предложение явилось результатом предварительных консультаций, состоявшихся накануне на закрытом заседании кабинета*.

* Следует отметить, что с самого начала мы взяли за правило обсуждать основополагающие вопросы внутренней и внешней политики на закрытых заседаниях кабинета без ведения секретариатом отчета, как это делалось на обычных "открытых" заседаниях. На закрытых сессиях стенографически фиксировалось лишь, кто внес то или иное предложение без изложения сути его обсуждения. Таким образом, в отчете от 10 марта имеется лишь простое упоминание о принятии моего предложения.

Со стороны Совета в состав контактной комиссии вошли меньшевики Чхеидзе, Скобелев, Стеклов и Суханов, а также эсер Филиповский*.

Сам я редко принимал участие в заседаниях контактной комиссии частично из-за того, что много времени проводил в поездках по стране, но также из-за позиции, занятой делегатами Совета, особенно Стекловым, которого с великим терпением выносил князь Львов.

Терпеливость князя Львова на проходивших переговорах была вознаграждена: удалось избежать многих потенциально опасных конфликтов, а лидеры Совета проявили более ответственный подход к событиям и к политике правительства, которую они теперь понимали гораздо лучше.

Тем временем положение в стране становилось все более угрожающим и для всех членов правительства стало ясно, что снять растущую напряженность в стране можно лишь, изменив состав Временного правительства, с тем чтобы более реально отразить действительную расстановку сил в стране, включив в состав кабинета представителей социалистических партий. Один только Милюков упорно отстаивал свою идею, что вся власть должна принадлежать исключительно представителям "Прогрессивного блока". Как это ни странно, но именно его взглядам на внешнюю политику суждено было ускорить кризис, приведший к изменению состава правительства.

По своей натуре Милюков был скорее ученым, нежели политиком. Не обладай он темпераментом бойца, который привел его на политическую арену, он скорее всего сделал бы карьеру выдающегося ученого. Вследствие своей прирожденной склонности ко всему относиться с исторической точки зрения, Милюков и исторические события склонен был рассматривать в плане перспективы, глядя на них с точки зрения книжных знаний и исторических документов. Такое отсутствие реальной политической интуиции при более стабильных условиях не имело бы большого значения, но в тот критический момент истории нации, который мы переживали в те дни, оно могло иметь почти катастрофические последствия.

Весьма прискорбным было то обстоятельство, что Милюков занял пост министра иностранных дел, исполненный решимости проводить в основных чертах ту же империалистическую политику, которой придерживался при старом режиме его предшественник Сазонов. Осенью 1916 года такая политика была вполне приемлема для некоторых членов "Прогрессивного блока", однако в марте 1917 года она уже, мягко выражаясь, безнадежно устарела.

Вскоре между Милюковым и остальными членами Временного правительства обнаружили резкие противоречия во взглядах на цели войны. Хорошо помню то закрытое заседание кабинета в самые первые дни его существования, на котором они проявились с полной очевидностью. Милюков докладывал о секретных соглашениях, заключенных в первые годы войны российским императорским правительством с Англией, Францией и Италией. Соглашения предусматривали грандиозный раздел военных трофеев между Францией, Англией и Россией.

* К ним позднее присоединился Церетели, один из лидеров социал-демократической фракции во II Думе, который в 1907 году был отправлен на каторгу и возвратился в Петроград в середине марта 1917 года. Он входил в состав так называемой сибирской фракции Циммервальдской группы. Церетели был одаренным, энергичным и мужественным человеком, который вскоре стал одним из лидеров "революционной демократии" и соответственно признал необходимость защищать родину.

Согласно этим секретным соглашениям, Россия получала не только долгожданные Босфор и Дарданеллы, но и обширные территории в Малой Азии.

Сообщение Милюкова поразило нас. Однако каково же было наше удивление, когда он рассказал нам о соглашении с Италией от 1915 года, согласно которому Италии в награду за вступление в войну на стороне Антанты были обещаны славянские территории вдоль всего Адриатического моря. Владимир Львов, человек крайне консервативного склада ума, вскочил с места и, возбужденно размахивая руками, воскликнул: "Мы никогда, никогда не признаем этих соглашений!" В обстановке всеобщего возбуждения лишь Милюков сохранил спокойствие и хладнокровие. В конце концов после бурных дебатов было принято решение тем или иным способом убедить наших западных союзников в необходимости пересмотреть эти соглашения и уж, во всяком случае, привести нашу политику в согласие с новыми убеждениями нашей общественности, теми убеждениями, которые никак не вписывались в дипломатические формулы прежних правящих кругов и политику бывшего министра иностранных дел Сазонова.

Кое-кто из нас напомнил Милюкову об одном важном инциденте из недавнего прошлого. Произошел он на втором заседании кабинета, когда мы еще располагались в здании Думы. 22 февраля поступила телеграмма французского правительства, в которой выражалось согласие на аннексию Россией австрийских и германских провинций Польши в обмен на согласие царского правительства на аннексию Францией левого берега Рейна. Мы тогда приняли решение игнорировать это предложение и немедленно вступить в переговоры с представителями польского народа с целью восстановления независимости этой страны.

Однако Милюков оставался глух ко всем соображениям. Вскоре на одном из закрытых заседаний кабинета произошла резкая перепалка между Милюковым и Гучковым, совпавшая по времени с выступлениями Милюкова по вопросу о Дарданеллах в духе Сазонова, которые могли привести к опасным последствиям из-за острой реакции на них в демократических кругах общественности. Защищая свою позицию, Милюков сказал: "Победа — это Константинополь, а Константинополь — это победа, и посему людям все время необходимо напоминать о Константинополе". На это Гучков резко возразил: "Если победа — это Константинополь, тогда говорите только о победе, поскольку победа возможна и без Константинополя, а Константинополь невозможен без победы... Думайте что хотите, но говорите лишь о том, что содействует укреплению морального духа на фронте".

Назойливость, с какой Милюков возвращался к одной и той же теме о Дарданеллах, озадачивала. Ведь он, как и Гучков и я, прекрасно знал, что генерал Алексеев из военных соображений был против любых авантур в зоне проливов. Более того, как историк, он наверняка был знаком с выводом генерала Куропаткина, который еще в 1909 г. в своей книге "Задачи русской армии" писал, что России не только "невыгодно присоединять к себе Константинополь и Дарданеллы, но такое присоединение неизбежно ослабит ее и создаст опасность долгой вооруженной борьбы за удержание этого опасного приобретения"*.

На 24 марта было назначено заседание контактной комиссии, чтобы обсудить с представителями Совета во всей совокупности вопрос о целях войны. Однако это не помешало Милюкову дать накануне журналистам

* Куропаткин А. Н. Задачи русской армии. Спб., 1910. Т. 2. С. 525. — Прим. ред.

интервью с изложением своих взглядов по этому поводу. По моим указаниям, на следующее утро газеты опубликовали заявление о том, что Милюков выражал не взгляды Временного правительства, а свои собственные.

В результате такой акции делегаты от Совета еще до начала встречи поняли, что не смогут упрекать все правительство в том, будто оно придерживается взглядов Милюкова. Лидеры Совета смогли, таким образом, поддержать торжественную Декларацию о целях войны, которую правительство опубликовало 27 марта*. Основные принципы, определяющие наши цели в войне, были изложены следующим образом: "Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом теперь же заявить сегодня, что цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления мощи своей за счет других народов. Он не стремится к порабощению и угнетению кого бы то ни было".

Примечательно, что этот текст был выработан правительством за исключением слов: "не насильственный захват чужих территорий", которые были включены по настоянию руководителей Совета. Они не внесли каких-либо существенных изменений в декларацию, однако сам этот факт позволил представителям Совета в контактной комиссии заявить позднее в Совете, что настаивая на этом, они не допустили, чтобы "буржуазные империалисты" (и в частности Гучков) впоследствии искажали или неверно истолковывали смысл этого документа. В действительности ни сам Гучков, ни консервативные круги, которые он представлял, не имели в то время ни малейшего желания преследовать какие-либо "империалистические" цели.

К несчастью, Милюков не разделял стремления правительства не накалять страсти вокруг вопроса о целях войны. После опубликования правительственной декларации он дал понять, что не считает себя, как министра иностранных дел, связанным этим документом. Столь сенсационное заявление вызвало поток взаимных обвинений, в результате чего был нанесен огромный ущерб авторитету правительства, несмотря на его успехи в деле достижения взаимопонимания с Советом.

Взрыв ненависти к Милюкову в левых кругах подчеркнул ненадежность положения правительства. Упрямство министра иностранных дел породило кризис доверия, который был неизбежен с самого первого дня революции, вытекающая из противоречия между составом правительства и соотношением сил в стране. Чтобы не дать России пережить новый и еще более опасный кризис, необходимо было устранить это противоречие.

Неоднократные публичные выступления Милюкова с изложением его личных взглядов были восприняты во всех революционных, демократических и социалистических кругах как свидетельство вероломства Временного правительства.

И хотя мы в высшей степени ценили единение, в условиях которого родилось правительство, хотя мы придавали огромное значение стремлению сохранить вплоть до созыва Учредительного собрания первоначальный состав кабинета, становилось все более очевидным, что дальнейшее пребывание Милюкова на посту министра иностранных дел создает в нынешних условиях смертельную опасность для единства

* Появилось в газетах 28 марта. — *Прим. ред.*

нации. Более того, нельзя было более терпеть положение, при котором руководители Совета, с их огромным влиянием и престижем, не разделяют ответственности за состояние дел в стране. В тот момент я, наверно, больше чем кто-либо другой из членов Временного правительства, ощущал настроение масс и осознавал настоятельную необходимость самых решительных шагов. Поздно вечером 12 апреля я сообщил представителям печати, что правительство намерено рассмотреть вопрос об отправке союзникам ноты, которая информирует их о пересмотре Российской целей войны.

В силу ряда причин мое заявление было опубликовано на следующий день в искаженном виде. Предвосхищая ход событий, газеты возвестили, что правительство уже обсуждает содержание ноты союзникам относительно новых целей в войне. На самом же деле, хотя некоторые из членов правительства сообщили о своем намерении поставить этот вопрос на обсуждение кабинета, ни одной такой дискуссии на заседаниях полного состава кабинета пока не было.

Исходя из чисто формальных соображений, Милюков совершенно оправданно стал настаивать на публикации официального опровержения правительства. Так, 14 апреля газеты сообщили, что правительство не обсуждало и не готовит никакой ноты по вопросу о целях войны. Такое опровержение вызвало бурю возмущения и, как и предполагалось, Милюков был вынужден согласиться на отправку союзникам ноты относительно целей войны. К сожалению, общественность неправильно истолковала такое решение, предположив, что правительство приняло его под давлением Совета и, еще того хуже, Петроградского гарнизона.

Учитывая деликатность положения, нота союзникам готовилась всем составом кабинета. Теоретически окончательный текст ноты, опубликованный в печати 19 апреля*, должен был удовлетворить даже самых ярких критиков Милюкова, однако дело к тому времени зашло настолько далеко и враждебность к Милюкову в Совете и в левых кругах достигла столь значительных размеров, что ни Совет, ни левые деятели были просто неспособны вынести здравое суждение и даже вникнуть в содержание нашей ноты. Атмосфера приобрела истерический характер.

Исполком Совета опубликовал решительный протест против "империалистической" ноты Временного правительства.

Ленин, недавно вернувшийся из Швейцарии, немедленно послал своих эмиссаров в солдатские казармы. 4 апреля солдаты Финляндского гвардейского полка в полном вооружении направились к Мариинскому дворцу с красными знаменами и лозунгами, осуждающими, в частности, Милюкова и Гучкова**.

Командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов обратился к правительству за разрешением направить войска для защиты дворца, однако мы единогласно отклонили его предложение. Мы

* 19 апреля текст ноты был только получен в редакциях газет. — *Прим. ред.*

** В те дни считалось, что демонстрация войск возникла более или менее спонтанно, и ответственность за нее если и несет кто-либо, то лишь некий фанатический пацифист лейтенант Линде, и что Ленин и большевики к этому делу не имели никакого касательства. Знакомая несколько лет назад с секретными германскими архивами во время работы в Гуверовском институте, я нашел документальные свидетельства, что все эти события были делом рук Ленина (см. гл. 18). (Ф. Ф. Линде — ученый, математик, философ служил в Финляндском полку в качестве рядового. В дни Февральской революции — избран в Исполнительный комитет Петроградского Совета. Выступление солдат этого полка состоялось 7(20) апреля 1917 года.) — *Прим. ред.*

были уверены, что народ не допустит никаких актов насилия в отношении правительства.

Наша вера полностью оправдалась. В тот же день на улицах города появились огромные толпы людей, выступивших в поддержку Временного правительства, и вскоре после этого Исполнительный комитет Совета выступил с заявлением, в котором отмежевался от антиправительственной демонстрации войск. Он также согласился опубликовать заявление с объяснением сути ноты министра иностранных дел, которая привела ко всем этим беспорядкам.

В действительности никаких объяснений не требовалось, ибо объяснять было нечего. Таким образом, в заявлении лишь предпринималась попытка успокоить общественное мнение и подчеркивалось, что сама нота выражает единые взгляды всех членов правительства.

ПЕРВЫЙ МИНИСТЕРСКИЙ КРИЗИС

Мы все согласились с тем, что министерство иностранных дел должно перейти к человеку, способному более гибко проводить внешнюю политику государства. 24 апреля я выступил с угрозой выйти из состава кабинета, если Милюков не будет переведен на пост министра просвещения. Одновременно я потребовал немедленно ввести в правительство представителей социалистических партий. Кризис в кабинете достиг апогея 25 апреля, когда Милюков отказался принять портфель министра просвещения и вышел в отставку. В тот же день я направил заявление Временному комитету Думы, Совету, Центральному комитету партии социалистов-революционеров и группе трудовиков, в котором объявил, что отныне Временное правительство должно состоять не только из отдельных представителей демократических сил, но и людей "формально и прямым путем избранных организациями, которые они представляют". Я поставил свое дальнейшее пребывание в составе правительства в зависимость от принятия этого требования.

На следующий день (26 апреля) князь Львов послал официальное письмо Чхеидзе, предлагая ему выделить представителей различных партий, заинтересованных в переговорах об их вхождении в кабинет. Легко говорится, трудно делается. Против вхождения социалистов в правительство решительно выступили не только некоторые либералы, но и некоторые меньшевики и социалисты-революционеры (особенно Чернов и Церетели), которые в равной степени не желали сотрудничать с Временным правительством.

Вечером 29 апреля в Исполнительном комитете Совета состоялись бурные дебаты по вопросу о том, быть или не быть Совету представленным во Временном правительстве. В результате голосования незначительным большинством (23 голоса против 22-х) было принято отрицательное решение. При этом 8 человек воздержались. Социалисты-революционеры, меньшевики, народные социалисты и трудовики, за редким исключением, высказались за участие в правительстве.

Отрицательное голосование произвело неблагоприятное впечатление в демократических кругах, оно не отвечало и интересам большинства Исполнительного комитета Совета. Большевикам и другим непримиримым противникам сотрудничества с правительством удалось одержать на голосовании победу с преимуществом в один голос, и то лишь только потому, что сторонники вхождения в правительство не смогли мобили-

зывать на заседании 29 апреля все свои силы. Теперь они настаивали на повторном голосовании.

Оно состоялось в ночь с 1 на 2 мая. Я был приглашен на это заседание, с тем чтобы изложить взгляды правительства на создавшуюся ситуацию. Мое выступление, за которым последовало неожиданное сообщение об отставке Гучкова, помогло рассеять недоверие и создать в Совете здоровую атмосферу (см. гл. 15). Большинством в 25 голосов (44 — "за", 19 — "против") было принято решение об участии в правительстве. Из 19 голосовавших против 12 были большевики, 3 — меньшевики-интернационалисты и 4 — крайне левые эсеры. Теперь был открыт путь к расширению состава правительства.

С отставкой военного министра Гучкова прекратил свое существование первый кабинет Временного правительства, закончился первый период его деятельности. Перед роспуском первый кабинет Временного правительства обратился к народу с политическим завещанием, которое до сих пор волнует душу и сердце. Подытоживая баланс своего короткого, но крайне трудного и напряженного существования, правительство выступило со следующим предупреждением, которое оказалось ужасающе пророческим: "Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев, по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения, грозит разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создает благоприятную почву, с одной стороны, для насильственных актов, сеющих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строю, с другой — для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и к уклонению от исполнения гражданского долга.

Временное правительство считает своим долгом прямо и определенно заявить, что такое положение вещей делает управление государством крайне затруднительным и в своем последовательном развитии угрожает привести страну к распаду внутри страны и к поражению на фронте. Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущий гибель свободы. Губительный и скорбный путь народов, хорошо известный истории, — путь, ведущий от свободы через междоусобие и анархию к реакции и возврату деспотизма. Этот путь не должен быть путем русского народа"*.

*Этот текст был опубликован в газетах 26 апреля 1917 года. — *Прим. ред.*